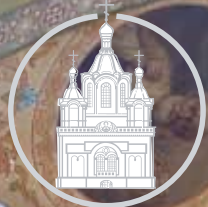

Русская Православная Церковь

ISSN 2225-0271

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

ЛАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

№ 6 (111) 2016
ноябрь — декабрь

25 ЛЕТ
НОВОЙ ЖИЗНИ ХРАМА

Сегодня только Церковь спасает от одиночества

Этот заголовок может вызывать возражение, ибо бесспорно: если ты с Богом, то уже не одинок. Но в бесконечной череде людей, идущей от праотцев к нашим дням, можно назвать не так уж много имен тех, кто в самом деле был только с Богом — и больше ни с кем. Избранники Божии остались в нашей истории не столько как пример для подражания (разве можно подражать тому, что решено Господом?), сколько как маяки, освещающие нам, грешным и немощным, путь ко спасению. Обычному нормальному человеку, то есть человеку, живущему с Богом и в Боге, необходимы еще и другие люди. Где их встретить? Об этом Павел Демидов беседует с клириком храма иконы Божией Матери в Ховрине священником Сергием Ванюковым.

— Вы здесь уже года четыре?

— Четвертый год.

— Но пришли вы сюда уже с определенными представлениями о том, каким должен быть православный приход. Вы углубленно знаете основы и правила церковной жизни. Вам есть с чем сравнить увиденное.

— Когда я пришел на служение в этот храм, первое, на что обратил внимание, — как здесь радушны и доброжелательны прихожане. Не каждый приход может похвалиться такой атмосферой.

— То есть то, что вы здесь увидели, соответствовало вашим представлениям о том, каким должен быть православный приход.

— В какой-то мере. Я оговариваюсь не случайно. Во-первых, не может быть незыблемой, отлитой формы, жесткой матрицы прихода. Неизбежно влияние специфики, идущей от этнических, исторических, социальных, если хотите, географических особенностей. Во-вторых, как нет двух одинаковых людей, так не может быть и двух одинаковых приходских общин. Стало быть, и здесь неизбежны различия. В то же время есть некие базовые требования и установки, единые представления о том, что и как должно быть в храме и вообще на приходе. Здесь не место их перечислять, к тому же церковному народу они известны. Важно, что все это как раз находится под воздействием названных выше факторов, и вот тут-то и создается индивидуальный, неповторимый портрет прихода, который, если говорить

о ховринском храме, произвел на меня весьма яркое впечатление.

— Если уж мы перешли на язык изобразительного искусства... этот портрет создается стихийно и коллективно или все же есть у него главный художник?

— Конечно, художник есть. Это настоятель храма. Но важно также отметить, что в формировании портрета прихода нельзя недооценивать и роль прихожан, особенно тех, которые активно вовлечены в приходскую жизнь. А они, как я уже говорил, удивили меня не только своим стремлением к подлинной христианской добродетельной жизни, но и просто своими человеческими душевными качествами.

— А в чем это выразалось, вы можете сказать?

— Пожалуй, нет. Все собирается из разных мелочей, состоит вроде из незначительных поступков, которые все и перечислить-то сложно, но в целом складывается такое понятие, как впечатление. А оно, в свою очередь, рождает ощущение. Почему складывается то или иное впечатление или рождается ощущение, не всегда можно четко сформулировать. Это все равно что

рассматривать портрет, выложенный из мозаики, вблизи или на расстоянии. Сделаешь несколько шагов назад — и отдельные кусочки, соединяясь, рожают цельное полотно. Но если все же попытаться выделить какую-то превалирующую черту, присущую прихожанам в целом, я бы сказал, что это отзывчивость. Современный мир очень эгоистичен. В мегаполисе, каковым является и Москва, почти каждый человек практически ежеминутно погружен в суету. И то, что я встретил здесь людей, которые неравнодушны к другим, неравнодушны к сложностям и проблемам, беспокоящим других, неравнодушны к священникам, которые здесь служат, было для меня отрядным открытием.

— Вы говорили о социальном и даже географическом факторах, влияющих на характер прихода. Что вы имели в виду?

— Есть приход в большом городе, есть в небольшом поселении, есть деревенский приход... Даже в границах

одного мегаполиса приходы разных городских районов могут очень отличаться друг от друга. К примеру, если сравнить в воскресный день храмы в центре Москвы и в густонаселенных районах столицы, нельзя будет не отметить, что они даже по количеству прихожан будут значительно различаться.

– Можно сказать, что приход нашего храма скорее напоминает приход небольшого города или даже сельский?

– Пожалуй. Хотя при первом, поверхностном знакомстве может родиться иное впечатление. Как-никак храм находится в современном, развивающемся районе Москвы со всеми присущими ему реалиями XXI века. Живет много людей, масса приезжих, казалось бы, сколько людей – столько проблем. Оказалось нет! Настоящий приход по своим задачам чем-то напоминает семью или монастырь: большая община, входя в которую, человек движется к спасению души. Приход объединяет людей вокруг Евхаристии, вокруг богослужения, объединяет их в общей молитве. Это главная задача прихода. Здесь я встретил тех, кто приходит в храм не только ради личных духовных запросов, но и для добровольного служения ближним, выполнения каких-то обязанностей, естественных и неизбежных как для человека, живущего в семье, так и для монаха, подвизающегося в монастыре. Могу ответственно сказать, что каждый из прихожан (из тех, кого мне удалось хорошо узнать) ощущает ответственность за эту церковь, куда многие ходят со времени ее возрождения. Тогда, в первые годы, эти люди собрались вокруг полуразрушенного храма и отдали ему всю свою любовь и заботу, и эти чувства неизбежно распространились и друг на друга. Возрождать стены, заниматься строительством очень важно, но самое главное – и об этом постоянно напоминает Святейший Патриарх – это преобразование душ людей, приведение их ко Христу. И когда удивительным образом это сочетается – когда и стены восстанавливаются, и души возрождаются, когда налаживается богослужебная жизнь, – все вместе это и есть возрождение церковного

прихода. Конечно, не без трудностей, Господь посылает их нам для нашего же укрепления, дает какой-то опыт, а уж с помощью этого опыта можно двигаться дальше.

– Лично мне представляется, что существуют как бы два типа воцерковленности. Один тип: человек периодически ходит в храм, выполняя определенные церковные правила. А другой тип – когда храм и приход – это действительно часть его жизни. Я их не противопоставляю и не оцениваю. Приход Знаменского храма, видимо, объединяет прихожан второго типа.

– Мне кажется, стоит говорить не столько о разных типах воцерковленности, сколько о разных путях движения к Богу. Господь приводит к Себе каждого человека по-разному. У каждого есть какие-то индивидуальные особенности и в характере, и во внутреннем устройстве, и в способе мышления, которые являются уникальными, и через эту уникальность Господь каждого пытается привлечь к Себе. Поэтому, мне кажется, не следует выходить на обобщения. Все гораздо многообразней и индивидуальней.

– Вы сравнили приход с монастырем. Честно говоря, несколько неожиданно и интересно.

– Приходы, как, впрочем, и многие монастыри, выполняют очень важную функцию: они являются своего рода миссионерскими маяками. Людей, которые только периодически соприкасаются с Церковью, приход вовлекает в общинную жизнь. Процесс этот настолько сложный и глубокий, что говорить, что этот приход относится к такому-то типу, а тот – к другому, наверное, неправомерно, потому что и там, и там есть разные люди. В любом приходе есть общинники, есть костяк, приходской актив. На самом деле можно лишь говорить, что Господь использует все средства, чтобы привлечь к Себе людей совершенно разных. То, что эти очень разные люди живут единой общинной жизнью, и является для них путем к спасению.

– Это, собственно, и есть община? Ядро прихода.

– Община строится прежде всего вокруг таинства Евхаристии и при-

чащения от одной Чаши. Совершение Божественной литургии – это самое главное. В приходе большое количество послушаний – хозяйственные, административные, и, конечно, большая часть этих обязанностей возлагается на настоятеля. Но жизнь общинная имеет свою специфику, у нее несколько иное наполнение. Она предполагает прежде всего единство в молитве, в таинствах, и, когда есть это единство, тогда вся остальная приходская жизнь способствует главному – объединению людей вокруг Христа.

– Как обрамление вокруг главной ценности.

– Если хотите. Это самая главная задача, кстати говоря и священника, – ощущать себя членом приходской семьи и передавать это ощущение своим прихожанам. И тогда – через это служение – священник понимает, что он приводит людей не к себе, не к почитанию себя, как, к сожалению, порой встречается в современной церковной жизни, а приводит ко Христу. Вот это единство во Христе, которое совершается прежде всего в Божественной литургии, в Святой Евхаристии, – самое главное, что делает приход приходом в подлинном смысле этого слова, что превращает общность людей в православную общину.

– Священник, который приходит в новый для него храм, вероятно, поначалу оказывается в несколько непривычной ситуации. Можно это сравнить, допустим, с тем, с чем встречается новый преподаватель, приходя в школьный класс с уже сложившимся укладом, определенными традициями, привычками, навыками? Вот он приходит, и начинается какое-то сближение с учениками, узнавание друг друга. Похоже? Вы на себе ощущали нечто подобное, когда пришли в Знаменский храм? Мне, наблюдавшему этот период со стороны, показалось, что вы удивительно легко и быстро вошли в жизнь храма.

– Со стороны, наверное, действительно виднее. Мне трудно судить, насколько быстро я вошел в Знаменский приход. Я даже не заметил границы, где кончается знакомство и начинается общая жизнь. Пример нового учителя

и учеников, который вы привели, для моего случая не характерен: общий контакт возник сразу. Знаете, как по жизни? С иным человеком ты знаком давно, а что-то тормозит сближение. А другого знаешь всего-ничего, а такое чувство, что за плечами годы и годы дружбы.

– Я, например, обратил внимание на такую деталь, а она, мне кажется, симптоматична. К вам на исповедь почти сразу стали выстраиваться люди.

– Я стараюсь об этом не думать. Не сравнивать. И вообще не обращать внимания на какие-то внешние признаки. Это может далеко увести, и к тому же не в ту сторону.

– Ваше отношение естественно. Вы же не актер, чтобы думать: а как я выгляжу со стороны?

– Священник ничего не должен делать напоказ. Когда появляется фальшь в служении, это моментально отталкивает от пастыря прихожан, потому что люди чувствуют сердцем, искренно ли священник несет свое служение, является ли пастырство неотделимой

частью его жизни или, наоборот, – чем-то внешним по отношению к его душе. При рукоположении священнику дается Божественная благодать, которая восполняет его оскудевающие человеческие силы. Священник должен приводить людей ко Христу. Потому он и называется пастырем. Его функция – быть чистым стеклышком, через которое можно увидеть Солнце. Чем чище это стеклышко, тем ярче свет, идущий сквозь него.

– Люди все больше переходят к виртуальному общению. Но это же не общение в его подлинном значении, а суррогат, каких много в нашей жизни. Даже матери стали суррогатными, о чем еще говорить? Мне кажется очень важным, чтобы приходы, Церковь в целом сдержанно относились к этим хай-текам, заменяющим живое общение живых людей. Я понимаю, что этот процесс неодолим, что становится на его пути и бессмысленно, и просто неразумно. Но меня, например, смущает, что записку можно послать электронной почтой или эсэмэской,

что исповедаться можно чуть ли не по телефону. Мне кажется, что церковный приход должен оставаться тем небольшим бастионом, который может противостоять этому напору.

– Я с вами совершенно согласен, и мне хотелось бы в связи с этим отметить несколько моментов. Когда мы пытаемся понять с христианской точки зрения то или иное явление современной жизни, следует обращаться к церковной традиции. Например, таинство Покаяния совершается в личном общении священника и кающегося. В отличие от западной традиции, в Православной Церкви немыслима исповедальная беседа с духовником через стенку, через загородку. Врач должен видеть пациента, должен с ним общаться. А как иначе можно увидеть сердце человека? Через занавеску или через решетку его не разглядишь и не почувствуешь. А виртуальное общение, как вы верно говорите, в самом деле всего лишь суррогат.

– Где-то оно неизбежно и даже естественно.

Беседы на Святой Горе Афон

Церковь как место обожения

Желающие достигнуть единения со Христом и с Богом Отцом во Христе знают, что это совершается в Телѣ Христовом, коим является наша святая Православная Церковь.

Конечно, мы соединяемся не с Божественной сущностью, а с Христовым обоженным человеческим естеством. Однако этот союз со Христом не сводим ни к чему внешнему и превосходит нравственный уровень.

Мы следуем за Христом не в том смысле, как последователи какого-либо философа или религиозного учителя. Мы составляем Его Тело, Его Церковь. Церковь Христова есть Его Тело в смысле самом прямом, а вовсе не переносном, как ошибочно мудрствуют некоторые богословы, не потрудившись глубоко вникнуть в дух Святой Церкви. Христос приемлет нас, христиан, в Свое собственное Тело, несмотря на наше недостойнство и греховность. Он делает нас действительно частями Самого Себя, и мы в самом прямом смысле ста-

Афон. Вершина

новимся членами Его живого Тела. Как и апостол Павел говорит: «...мы члены

Тела Его, от плоти Его и от костей Его» (Ефес. 5:30).

Конечно, в зависимости от личного духовного состояния христиане бывают по временам либо живыми, либо мертвыми членами Тела Христова. Но и в качестве омертвевших они не прекращают быть Его членами. Крестившийся становится частью Христова Тела. Но если он не исповедуется, не причащается и не живет духовно, он пока мертв.

Тем не менее, если он покается, он тут же наполняется Божественной жизнью и становится живым членом Тела Христова. Его не нужно перекрещивать. Некрещеный же не является сотелесным Христу, как бы достойно он ни жил. Ему необходимо Крещение, чтобы стать Христовым, быть воспринятым в Его Тело.

А что до тех, кто в Телѣ Его, то нам предлагается Его жизнь – Его Божественная жизнь становится нашей. Мы приемлем жизнь, спасение и обожение: дело немыслимое, если б Сам Бог не сделал нас членами Своего Святого Тела.

– Конечно! Пожалуй, в большинстве сугубо мирских, земных дел. Но когда мы касаемся сфер духовных, когда речь заходит о сторонах жизни, связанных с духовным миром, необходимо сверяться с православной традицией, и сразу становится ясно, что допустимо, а что недопустимо в церковной жизни. Поэтому возможность личного общения со священником – основополагающее, на мой взгляд, условие здоровой приходской жизни. Прихожане должны иметь возможность не только поисповедаться, но и поговорить со священником, я бы даже сказал – пообщаться. Придя сюда, я получил убедительное подтверждение своей точки зрения: я увидел огромное количество людей, которые хотят приобщиться к церковной жизни в самом широком смысле этого слова. Причем не из книг (хотя книги – это тоже замечательно) – они хотят иметь дело с живым человеком. И, наверное, это во многом реакция на то, что со всех сторон на нас давит мир виртуального общения, бездушного, расчетливого, а человек устал от электронного собеседника. Люди приходят, чтобы просто поговорить

Святоотеческая традиция утверждает, что наше спасение невозможно без святых таинств Церкви, которые усвоят нас Христу, делая нас той же плоти и той же крови, что Он.

Какое страшное благословение – быть причастниками святых таинств! Христос усвояется нам, Его жизнь становится нашей жизнью и Его Кровь – нашей кровью. Поэтому святой Иоанн Златоуст говорит, что нет ничего большего, чем то, что Он дает ему в Святом Причащении. Как и человеку нечего попросить у Бога сверх того, что приемлет он от Христа во Святом Причащении.

Так, крещенные, миропомазанные и покаявшиеся, мы причащаемся Тела и Крови Господних и становимся богами по благодати. Мы соединяемся Богу так, что мы уже не чужие, а свои Ему.

В Церкви, где мы соединяемся Богу, нам дается опыт той новой реальности, которая внесена в мир Христом, – нового творения. Это жизнь Церкви и жизнь Христова – становящаяся и нашей дарованием Святого Духа.

В Церкви всё ведет к обожению. Божественная литургия, таинства, молит-

со священником, и священник должен быть доступен, то есть у него не только должно быть время, но он должен быть расположен к тому, чтобы вникнуть в чужие проблемы, воспринять их как свои. Но это одна сторона вопроса. А другая – в том, чтобы через это общение приобщить человека к церковной жизни. Привить к древу Церкви еще одну веточку.

– **Люди, сидящие в социальных сетях, вызывают во мне сочувствие. Мне их жаль. Это какой-то крик о помощи. Крик одиночества. Сквозь сотни лайков, сквозь тысячи френдов кричит их одиночество. Потому что социальные сети – это все тот же суррогат, замена, а точнее подмена, нормального человеческого общения.**

– Люди старшего поколения, сравнивая свою молодость с тем, что они видят сейчас, подмечают одну важную деталь. Об этом мне говорят очень разные люди, но все говорят об одном. Люди перестали ходить в гости друг к другу. Правда, вошли в моду так называемые корпоративы, но и они не заменяют нормального человеческого общения. Видимость. Нет личностного

ва, проповедь Евангелия, посты – всё. Это единственное место обожения.

Церковь не есть общественное, культурное или историческое учреждение, подобно прочим человеческим организациям. Она не сравнима ни с каким мирским институтом. В мире много замечательных институтов, обществ и организаций – и однако Православная Церковь всегда остается единственным местом единения с Богом, уникальным местом обожения. Нигде больше не станет человек богом. Ни в университете, ни в общественных организациях, ни в чем красивом и добром, что есть в мире. Как бы хороши они ни были, они не в силах дать то, что предлагает Церковь.

Вот почему никакое мирское учреждение не может заменить Церковь, как бы прогрессивно оно ни было.

Нет ничего удивительного, что мы, немощные и грешные, временами претерпеваем скорби и нестроения даже внутри Церкви. Меня не удивляют скандальные разногласия хотя бы и в самой церковной среде. Они случаются потому, что здесь мы еще на пути к обожению; и это вполне естественно, что проявляется наша человеческая немощь. Еще мы

общения друг с другом. Электронные контакты – это контакты из области физики, но не из сферы человеческих отношений. Возвращаясь к теме нашего разговора, хочу еще раз подчеркнуть: приход – это некая компенсация, отдушина в нашем современном безвоздушном, точнее бездуховном, пространстве, где нет общения между людьми. Если приход выполняет эту функцию и вдыхает жизнь в людей, благодать Божия, дух евангельский преобразует людей изнутри, и поэтому люди стремятся в храм. Смотрите, даже в будние дни, когда люди работают, когда они обременены огромным количеством всяких дел и забот, они приходят в храм, приходят помолиться Богу и пообщаться со священником.

– **Можно сказать, что Церковь поглощает углекислый газ, который вырабатывают люди, а выдыхает для них кислород.**

– Наверное, этот образ здесь уместен.

– **Благодарю вас, отец Сергей!**

– Помощи Божией в ваших делах.

Фото Ларисы Беляевой

не боги, а только идем к тому. Сколько бы ни сталкивались мы с подобными неприятностями, они не отвратят нас от Церкви, потому что лишь в ней мы приближаемся к единению с Богом.

Например, когда в храме на Божественной литургии мы встречаем людей, никак не внимающих ее святости и мешающих нам своим пустословием, как естественно подумать: «А что, собственно, я пришел сюда? Не лучше ли было мне дома, где ничто не отвлекало бы меня от молитвы?».

Однако мы должны твердо противостоять лукавому помыслу и ответить ему: «Да, дома мне было бы покомфортнее – но там не было бы Божественной благодати, обновляющей и освящающей меня. Там не было бы Христа, пребывающего в Церкви, не было бы Его Пречистого Тела и Его бесценной Крови, которые тут, на святом престоле. Там я не был бы участником литургической Тайной Вечери, отделив себя от братьев моих, вместе с которыми я теперь составляю Тело Христово».

И что бы ни случилось, мы не покинем Церковь, ибо только в ней обретаем путь к обожению.

*Архимандрит Георгий (Капсанис),
игумен обители св. Григория*

Скажите, пожалуйста...

 <i>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</i>	<i>Евгений Георгиевич Быстров пенсионер</i>	<i>Татьяна преподаватель</i>	<i>Александр строитель</i>
			
С какого года вы ходите в наш храм? Почему остановили на нем свой выбор?	Сам я покрестился только в 91-м году, поэтому я еще молодой православный. Этот храм я открыл для себя в 1993 году. Мы стали ходить с маленьким сыном, которому этот храм очень понравился.	Периодически ходила с тех пор, как мы сюда переехали в 2003 году. Более или менее постоянно – с 2010-го. Почему хожу сюда? Потому что рядом живу.	С прошлого года хожу в храм. Он ближе находится к дому. Мы все христиане и должны ходить в храм.
Кто еще из вашей семьи, из ваших знакомых или соседей является прихожанином нашего храма?	В данном случае только я. Может быть, еще кто-то из соседей сюда ходит, потому что этот храм известный.	Только дети.	Моя жена ходит в храм, но в другой – Георгиевский.
Как часто вы ходите в храм: еженедельно, только на праздники, в каких-то других случаях? Как часто исповедуетесь?	Стараюсь по воскресеньям ходить и на праздники. Исповедуюсь – бывает, часто, бывает, что-то заклинит и чувствую: грязь копится во мне.	Еженедельно. Стараюсь раз в месяц исповедоваться.	Каждое воскресенье хожу и по праздникам. Исповедуюсь и причащаюсь довольно часто.
Вы можете назвать себя членом церковной общины? В чем это проявляется?	Нет, я не могу сказать, что я член церковной общины.	Надеюсь, что да, могу назвать себя членом церковной общины. Дети ходят в воскресную школу и тоже участвуют каким-то образом в жизни прихода.	Я не знаю, могу ли себя так назвать или нет. Если я хожу на службу, то я являюсь членом общины?
Читаете ли вы наш журнал «Лампада»? Покупаете ли книжки в церковной лавке?	Покупаю и «Лампаду» читаю.	«Лампаду» читаю, но потом возникает проблема, куда ее дальше девать. Часто покупаю книжки в церковной лавке, в том числе детские.	«Лампаду» не читаю, книги покупаю.
Одинаково ли вы чувствуете себя в нашем храме или в каком-нибудь другом?	Сейчас я чувствую, что храм становится намоленным, благоустроенным. Я прихожанин этого храма.	Свой храм более родной. В другом храме бывает по-разному.	По-моему, одинаково себя чувствую.

<i>Маша</i> ученица гимназии	<i>Василий</i> менеджер	<i>Светлана Железняк</i> директор воскресной школы	<i>Дмитрий</i> инженер
			
Хожу где-то с 2010 года. Мы рядом живем, и я здесь учусь в гимназии.	Хожу сюда девять месяцев. Хожу потому, что смерть жены привела меня сюда. Выбор сделал, потому что она ходила в эту церковь. Я крещеный, но не воцерковленный. Горесть привела меня сюда.	В наш храм я пришла в 2014 году. Почему остановила на нем свой выбор? Потому что он находится недалеко от моего дома. Желание прийти на исповедь привело меня в наш храм, и я осталась.	Лет восемь хожу, потому что я тут рядышком живу.
Прихожанами являются мама, брат и сестра.	Никто из моей семьи и соседей не является прихожанами.	Из моей семьи ходит моя дочка, и очень много знакомых, потому что все мои знакомые – прихожане нашего храма. Соседей не так много ходит.	Жена ходит и сосед.
Хожу в храм еженедельно с мамой, еще со школой хожу на праздники. Исповедуюсь и причащаюсь раз в месяц.	Теперь хожу часто, по праздникам и не по праздникам. Исповедуюсь редко.	Храм посещаю почти ежедневно, на службах бываю на праздниках, в субботу, в воскресенье и в остальные дни, когда от меня этого требует работа.	Мы ходим по выходным, причащаю своих детей. Лично я причащался очень давно.
Наверное, могу назвать себя членом церкви – посещаю воскресную школу и гимназию.	Не могу назвать себя членом церковной общины. Как я понимаю, надо жить с церковной общиной, а я себя ощущаю случайным.	Я надеюсь, что да. Я прихожанка нашего храма, несу здесь свое послушание.	Назвать себя членом церковной общины я не могу, потому что мы близко не общаемся. Мы знаем батюшку.
Журнал я читаю, книжки мы тоже покупаем.	Журнал «Лампада» нравится, очень качественное издание. Книжки обязательно покупаю. Они постоянно обновляются, здесь хорошая ротация.	Да, конечно, читаю, очень интересно, особенно интересно, когда там написано о наших людях и интервью с ними. Книжки покупаю, потому что очень интересуюсь книгами, разными новинками.	«Лампаду» иногда читаю, а книжки покупаем.
Мне нравится здесь, а с другими не сравнивала.	Здесь я чувствую себя хорошо. Мне здесь нравится, что нет светодиодных лампочек, не используются аудиосистемы, которые искажают голос, портят смысл молитвы и убивают теплоту.	Наш храм для меня родной и любимый. В другом храме у меня больше возможности помолиться, а здесь много знакомых и не всегда удастся уединиться и тихонечко помолиться.	В некоторых храмах, например в Мордовии, мне уютнее бывает. Там добрее люди, более вдумчивые, искренние. Тут суета.

Быть в Церкви и не работать для нее – такое невозможно

Михаил Сергеевич Мацнев. Художник-реставратор, разносторонний умелец, примерный прихожанин нашего храма. Беседуем о жизни, о вере, конечно же, о бабушке.

– Вы родились в религиозной семье или нет?

– В абсолютно нерелигиозной.

– Как большинство из нас.

– К сожалению. Отец – коммунист, причем такой, убежденный. Но бабушка Оля была верующая.

– Какое счастье, что у нас были бабушки!

– Она была безграмотной. Когда я научился писать, она всегда просила меня писать поминальные записки. Помню, всегда давала мне просфору: «Скушай хлебушка из храма». Я-то не знал, что это такое, но в памяти осталось навсегда.

– А то, что писали записки для храма, вызывало у вас какие-то вопросы: для чего это?

– Конечно. Она говорила, что в церкви их почитают, и всем им будет лучше. И твоего папу запишем... А у меня уже позже возник вопрос: поминать родителей или нет? Я не знал, были ли они крещены. Мама – точно да, а вот отец... Я спросил у епископа Алексия, наместника Новоспасского монастыря. Он благословил помянуть.

– Можно сказать, что баба Оля в какой-то степени приобщила вас к вере, но не наставила на церковный путь.

– Знаете, есть один очень интересный момент. Я крестился в тридцать лет. Причем, можно сказать, за компанию.

– О, такое часто бывало!

– Понятно, при таком подходе я не считал это чем-то важным для себя. Спустя какое-то время мне довелось работать в Новоспасском монастыре, и там один инок мне сказал, что чувствует, что раньше я уже был крещен. Это вполне могло быть, потому что я помногу жил у бабушки без родителей.

– А ваше воцерковление? Как оно началось, с чего?

– Все очень прозаично. 91-й год. Я потерял работу. А при монастыре были мастерские НИИ реставрации. Меня позвали туда как электрика, помочь наладить печку. А когда монас-

Почти все в сборе: Михаил Сергеевич со старшей, Александрой, у мамы Татьяны на руках младшенькая, Настя. Из семейного архива

Фото Евгения Борисова

тырь наконец передали Церкви, я тоже передался с этими мастерскими. Братии – всего пять человек. Обитель в таком состоянии, что лучше не вспоминать. На территории, в храме – станки, железо всякое...

– Как здесь, в Знаменском.

– Как всюду. Но суть не в этом. Господь привел меня именно в монастырь. Ни в какое другое место, где я тоже мог бы работать, а, по сути, привел к Себе. Я там и охранником поработал, и вообще кем только надо было. Делал и лампадки, и подсвечники для церковной лавки, кадилницы.... Наместник приставил меня к книгам. А люди как думают? Раз с книгами человек дело имеет, значит, сам все хорошо знает. И с вопросами ко мне. А что я им могу ответить, когда сам ничего не знаю? Взялся за книги. Когда никого не было,

я брал книги и читал. Подружился с монахами. И так получилось, что я целый год прожил монашеской жизнью, разве что без пострига. Все их службы, все правила, послушания... – все выполнял наравне с ними. Физически было довольно тяжело. Но душа – я это чувствовал! – чуть не летала. Особенно близко сошелся с одним послушником. Сколько мы спорили, сколько обсуждали, засиживались за полночь.

– Куда Господь вас привел! Прямо к самой высокой планке.

– Это уж не знаю. А то, что было удивительно интересно, ощущаю по сей день.

– Прямая дорога в монашество. Семья тогда еще не было?

– Представьте, была! И жена, и двое детей. Помню, отец Максим Первозванский сказал мне: ты должен выбрать –

в келью тебе или в мир. Я задумался над его словами и сделал выбор – семья. Какое-то время я еще был в монастыре, работал, но все же ушел. После этого у меня еще двое детей родились, замечательные девочки... Какой тут монах?! Хотя сейчас я один.

– **Как так?!**

– Так случилось. Не будем об этом.

– **Но когда были вместе, и церковная жизнь была общей?**

– Конечно! Вся моя семья была здесь, в храме. Старшая дочь, Евгения, она окончила Свято-Тихоновский, и преподавала у батюшки в воскресной школе.

– **А кого здесь крестили?**

– Младшенькую, Настеньку.

– **Здесь-то, в Знаменском, как оказались? Географический фактор?**

– Да. Как видите, никакой сакральности. Мы жили в свое время на улице Фучика и ходили в храм Большого Вознесения. Квартирка у нас была – две маленькие комнатки, а жена уже ждала третьего ребенка. Подбирали обмен и в итоге оказались на Ангарской. Поначалу ходили в Бусиново, к отцу Симеону, а потом как-то осели здесь.

– **Какой это год?**

– 1997-й. Девятнадцать лет назад.

– **Прихожанин со стажем.**

– Тогда же здесь руины были.

– **Какие!.. Посмотришь сейчас – не верится. Я отметил одну особенность. Разрушенный храм сильнее привязывает к себе. Много думал над этим: вроде бы парадокс. А потом понял. Это чувство сродни тому, что мы испытываем к любимому и беспомощному существу, которое попало в беду.**

– Наверное, вы правы. Да, да! Я, например, не представляю, как это ходить в храм и ничего для него не делать.

– **Слышу голос настоящего прихожанина.**

– А разве не так? Когда у нас рассыпалась семья, я несколько лет не мог сюда ходить: все, каждый камешек, каждая ветка, каждый кирпич напоминал о том времени, когда мы все были вместе. Я здесь с Александром деревня сажал – как же могу равнодушно пройти мимо этого дерева?... Кажется, сын стоит за ним... Жена всегда помогала, то при крещении, то в лавке. Ведь в Церкви как? Все, можно сказать, взаимозаменяемы, каждый делает не то, что хочет, а то, что в этот момент нуж-

но. Это, наверное, и есть трудиться во славу Божию.

– **Контакты с клиром. Они были шире, чем отношения священник – прихожанин?**

– Не знаю, у кого как, а у нас складывались отношения с батюшками очень сердечные. Например, с отцом Максимом Казаковым. Он такой замечательный, сердечный человек!

– **Наверное, помните его, когда он еще только начинал...**

– А как же! Пел в хоре, алтарничал, все делал. Помню, когда он только стал диаконом, а у него вдруг голос пропал, говорить даже не мог. Мы очень с ними подружились, в гости друг к другу ходили... Помню, матушка Анна опять в положении была, так я его деток носил причащать. Видите, сколько у меня с этим храмом связано? Можете представить, как мне трудно было ходить сюда после того, как мы с женой расстались. Все вместе на службе. После службы идем гулять в грачевский парк. Это было счастье...

– **Но все-таки сюда вернулись.**

– Вернулся. Старая любовь не ржавеет. Теперь детишки уже выросли, у них своя жизнь. У меня уже шесть внуков. Все как-то сгладилося. А было тяжело до слез. Потом у меня появился священник, он служил на Кронштадтском бульваре...

– **Отец Михаил?**

– Он самый. Батюшка очень помог мне вернуться к жизни. Четыре года назад стал моим духовником. Сейчас он служит в храме Усекновения главы Иоанна Предтечи на Пятницкой. Преподает.

– **Я помню его. Он очень глубокий человек. До Кронштадтского он тоже служил здесь какое-то время.**

– Вот он меня и вытянул из того состояния.

– **Вы теперь чувствуете себя опять прихожанином этого храма?**

– Теперь – да. Я опять не просто хожу сюда на службы, но что-то делаю для храма. Я уже говорил, что иначе нельзя почувствовать себя прихожанином. Одно дело – человек церковный вообще, и другое – человек конкретного храма. Какое-то время назад у меня просто появилась эта потребность – прибиться к храму, то есть реально что-то делать. А как можно прибиться, прижиться в церкви, не работая на нее? А Знаменский храм для этого мне очень

подходит, столько лет с ним связано. И потихоньку, потихоньку отец Георгий меня...

– **...припахал.**

– А он как раз из тех, кто увидит в человеке его зерно и даст ему расти. А те, кто пришли и ушли, они просто не поняли его. Сегодня, когда я вспоминаю те свои годы, вижу, как Господь ставил меня в условия, в которых я должен был смирять себя. И скажу откровенно: я пришел к состоянию, когда мне это стало нравиться.

– **Что «это»?**

– Смирять себя.

– **Я понимаю вас. Ты, по сути, борешься с искушением и выходишь победителем.**

– Вот именно! Конечно, это приносит радость. И поэтому, несмотря ни на что – ни на прежние трудности в отношениях, несмотря на неудачи... я сознательно вошел в эту реку второй раз. Знал: да, припадет. Но пошел на это.

– **Вам, в общем, легко с ним работается?**

– А вам с ним легко работается?

– Теперь – да.

– Вот и мне тоже. Что могу сказать совершенно ответственно и убежденно. Ситуации бывали всякие. Но проходило время, и я понимал: виноват был я. Такой подход стал очень помогать мне в жизни.

– **А для православного христианина такой подход и есть, по-моему, самый правильный. Дай Бог всегда руководиться этим правилом. Благодарю вас.**

– Храни вас Господь!

СКРЕПЫ

Ничто столько не нужно человеку, как вера. От нее зависит не только блаженство будущей жизни, но и благополучие настоящей жизни, и не только благополучие каждого из нас, но и благосостояние целых обществ.

*Святитель
Филарет Московский*

Протоиерей Георгий Полозов

Восставший из руин

Воспоминания. Документы

фрагменты книги

Деньги и Церковь. Сочетание этих двух слов всегда вызывало интерес в обществе. Особенно у той его части, которая была далека от веры, что всячески любила демонстрировать и подчеркивать. Наиболее обсуждаемым был вопрос о том, допустимо ли принимать пожертвования от людей, чьи доходы несут на себе тень сомнительной чистоты. Возрождение нашего храма пришлось как раз на период, когда этот вопрос был весьма актуален. Не собираюсь вязаться в дискуссию. Лично для меня есть один ориентир – Иисус Христос и Его Евангелие. Вспомним притчу о неверном управителе (Лк. 16:1–17). Тот самовольно уменьшил должникам своего хозяина их долги перед ним, рассчитывая, что и те помогут ему в трудную минуту. Казалось бы, управитель поступил нехорошо. Но Христос его похвалил: «...приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители». Господь выделяет самое главное – идею личного спасения, те самые «вечные обители». Да, нам далеко до святости, но Христос не только не попрекает нас этим, но говорит: «...сыны века сего догадливей сынов света в своем роде». Трудно вместить? Да, трудно. Не зря же эта притча считается одной из самых сложных в Священном Писании.

Мы только-только выдворили прежних хозяев. Что представлял собой храм, я уже рассказывал. Но и его нужно было огородить забором. Внутри пока никаких ценностей нет, однако решетки на окнах надо править, а на иные устанавливать. Окрестный мутноватый люд, видно, привык к тому, что все стоит без призора, и взял за привычку частенько сюда наведываться. А когда увидели, что храм начинает преображаться, и вовсе заохотились. Кто только не говорил о несметных богатствах Церкви! Часто к нам забредали как бы просто так, по пьянке. Короче, надо было отгораживаться, и капитально. Но у нас пока не то что за-

бора – сейфика путного нет. Где деньги держать? И вот мне растерянно говорит наш староста:

– Батюшка, у нас несчастье – нам дали денег, и денег много, не знаем, что с ними делать.

Я позвонил в соседний храм, тоже Знаменский, только в Аксиньине, настоятелю Иоанну Мазову:

– Что делать?

– Немедленно потратить!

Очень правильный совет. Мы купили большое паникадило. Представляете? – 400 килограммов в упаковке! Собрали всех из прихожан, кто хоть что-то смыслит в электрике, разложили паникадило на полу, все контакты пропаяли, чтобы служило вечно. Повесили – храм сразу преобразился. Насчет вечно не знаю, но оно и сейчас украшает наш храм. До него у нас был жуткий мощный прожектор – страшное зрелище. И вновь не могу не восхититься гениальностью архитектора! Он словно предвидел, что у нас может быть такая огромная люстра. Наше паникадило смотрится очень органично, хотя такая махина – пять ярусов! – могла бы заглушить небольшое внутреннее пространство храма. Фокус в том, что в барабане Быковский предусмотрел большие окна, размеры которых вполне гармонировали с размерами паникадила. Будь они меньше, они бы подчеркивали крупные габариты светильника, что нарушало бы общую сбалансированность. Нашей особой заслугой во всем этом мало, разве что мы внимательно отнеслись к творческому замыслу архитектора.

А было все как? Мне рассказывали очевидцы. Подъехала машина, не слабый такой «Мерседес», опустилось стекло:

– Я все время проезжаю здесь и вижу, что вы пытаетесь что-то сделать. Вот вам деньги.

– А как вас зовут?..

– А не важно. Мне Господь так помог, что больше ничего не надо.

Сам видел: в Троице-Сергиевой лавре приходит человек в лавку, где

просфоры раздают, ставит на лавку чехмодан, открывает и выкладывает пачки денег. И уходит. Как прикажете быть? Бежать за ним и требовать расписку, откуда деньги взял? Или вовсе вернуть и сказать: нам ничего такого неизвестного не надо? А ведь он-то, может, и есть сын мира сего, который приобретает себе друзей богатством неправедным, чтобы потом войти в вечные селения? Не нам судить, не нам решать. Есть Господь, который все знает и все рассудит.

Помню, первую крупную помощь мне оказали как раз не православные, а мусульмане-чеченцы. Это был 1992 год. Еще не было войны. Эти люди занимались здесь предпринимательством, были очень благочестивыми. Они сразу откликнулись на наше обращение и пожертвовали крупную сумму. Купили мы на них микроавтобус, белый «Мицубиси», и он исправно служил шесть лет, пока его у нас «благополучно» не угнали.

Настоятелю храма помощник по штату не положен. Но у меня он появился почти сразу. Потому что без него я был бы как без рук, точнее, как без ног. Был он довольно молод, в силу этого сравнительно резв, и я лихо гонял его по Москве от благодетеля к благодетелю, в Патриархию, в префектуру, по храмам и монастырям. Звали моего помощника «ЕрАЗик», и родился он в благословенной стране,

которая когда-то стала портом назначения ветхозаветного Ноева ковчега, то есть в Армении.

Не стану утомлять читателя перечислением всего, с чем сталкивается настоятель храма, которого, по сути, еще нет, – это и деньги, которых тоже, по сути, нет, и стройматериалы, которых тоже нет по сути и без сути, и специалисты, порой такие, которых лучше бы вообще не было, а где найти других? Транспорт храму необходим – слов нет. Хорошо бы еще с водителем. Но тогда об этом даже думать было грешно. Колеса крутятся? Бензин есть. Значит, руки на баранку и – вперед!

Помните, как в картине Рязанова «Берегись автомобиля» Юрий Деточкин крадет «Волгу» из запертого гаража? Ночью пригоняет кран, поднимает коробку и спокойно угоняет авто. Если бы фильм вышел не в 1966 году, а, допустим, в 2000-м, можно было бы сказать, что сценарист списал эпизод с натуры. То же самое произошло с нами, с той только разницей, что нашему Деточкину не нужно было поднимать гараж – достаточно было опустить внутрь крюк, поскольку у гаража не было крыши. И наше армянское чудо, русские слезы, как мы называли свой «ЕрАЗик», увы, последовал тем же путем, что и «Волга» из кинофильма, владельцу которой, плутоватому зятю в исполнении Андрея Миронова, герой Анатолия Папанова говорил: «А ты не воруй!». Мы-то не воровали, но легче нам от этого не было.

Второй мой помощник родился в Японии, и звали его «Мицубиси». Маленький микроавтобус, подаренный православному храму благочестивыми мусульманами. Однако недолго музыка играла: дружок из Страны восходящего солнца очень скоро последовал по маршруту, проложенному его собратом из солнечной Армении. После него были «буханки», уазики всевозможные, рафики, даже «Волги», которые мы сами чуть ли не собирали, восстанавливали, ремонтировали, монтировали, которые скрипели, кряхтели и постоянно ломались. Помню, ночью ехали от Красной площади – оторвался глушитель, так мы, как пикирующий бомбардировщик, неслись вдоль Тверской, как только нас не застрелили?

Правда, я научился слышать, где что и почему стучит: цилиндр ли, суппорт, ступица. Вываливался после работы из машины, руки – словно таскал мешки с цементом: гидроусилителя руля не было, все мышцей, мышцей... Это, можно сказать, бои местного значения в общей битве за восстановление храма. Но, как известно, без местных боев не бывает окончательной победы.

Я пришел к выводу, что вопрос нужно решать кардинально: отечественный автопром – это горе, крест, который трудно понести. Перешел на самые простые иномарки (почему на самые простые – думаю, понятно). Сколько их было – трудно подсчитать. Мало того, что они успешно решали транспортную проблему, они еще были как своеобраз-

ный резервный денежный фонд. Если возникала срочная необходимость что-то сделать, а так было почти всегда, и не было денег, а так тоже было практически всегда, я без сожаления продавал нашу очередную иномарку. Был случай: рабочие построили туалет, а платить нечем: в одном месте обещали, но не получилось. Я спокойно продал машину и рассчитался с людьми. Это вообще всегда было моим правилом: как ни трудно, но за выполненную работу надо платить не затягивая.

Долго ли, коротко ли длились наши автомобильные страдания, но наступило время, когда я понял: пора уже думать о том, чтобы приобрести автобус. Мы – это уже не горстка энтузиастов, самоотверженных подвижников, которая, ни о чем не прося для себя, ничего не ожидая взамен, кто чем мог, кто на что был способен, взялась за восстановление поверженного храма. Мы – это уже православный приход. А какой приход без паломничества? А какое паломничество без движения? Вот, собственно, и вся логика.

...Где-то в пыли лет затерялись «буханки»-уазики и прочие четырехколесные трудяги: не выдержали ни наших приходских нагрузок, ни наших российских дорог. Сегодня у нас современный комфортабельный автобус на 19 мест, «Мерседес спринтер». Последняя наша паломническая поездка – девять тысяч километров. Мы побывали в Бари, у мощей святителя Николая. В Риме, Ровене, Римини,

Венеции, Милане, Мерано. Посетили наших прихожанок, которые вышли замуж и живут в Италии. Теперь ждем их к себе с ответным визитом.

Еще не ушло из нашей памяти время, когда наука была антагонистом религии. Большевицкая идеология поставила науку под ружье для борьбы с «пережитком прошлого», то есть с нашей верой. Поставить-то поставила, да ружье то и дело давало осечку. Вспомним хотя бы Глеба Александровича Каледу – одновременно священника и ученого с мировым именем. Я уж не говорю о таких людях-явлениях, как Иван Петрович Павлов, светский ученый, но глубоко религиозный человек, который не скрывал своей веры даже в самые свирепые времена. Или хирург архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), который, не помолившись, не приступал к операции (прославлен в лике новомучеников и исповедников Российских). Масштаб личности определяют не количество наград или званий, это – показатель количественный. Масштаб личности – категория, на мой взгляд, духовная. Его формируют вера, которую ты исповедуешь, и дело, которому служишь. Вполне допускаю, что со мной согласятся не все, но я и не претендую на истину в конечной инстанции.

У крупного ученого достижения ему под стать. Поэтому крупному ученому особенно опасно быть неверующим.

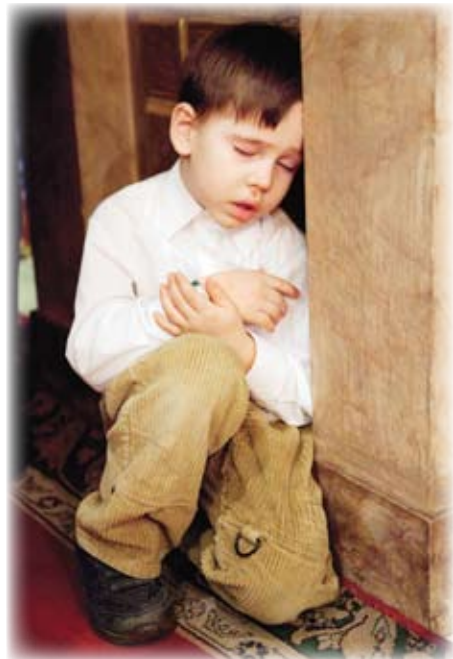
В силу того что знание, как предупреждают святые отцы, надмевает и по причине нашей общей поврежденности, да еще плюс к тому, точнее минус, личное безверие – очень легко представить себя единственным творцом, от которого все зависит и которому все должны быть благодарны. К тому же не дремлет враг рода человеческого, услужливо подсовывает «бонусы»: ты, мол, талант, гений, тебе нет равных и все такое... А вера – как холодный душ на разгоряченную голову – все расставит по местам или хотя бы поможет не поскользнуться на мокром полу лести. Ой как опасно для собственного спасения безверие! И не только крупному ученому, а вообще любому человеку.

И личный жизненный опыт, и пример окружающих меня людей не раз подтверждали правоту этих мыслей. Взять хотя бы протоиерея Георгия Нейфаха и его прекрасную семью. Батюшка окончил биологический университет Московского университета. Умер от тяжелой болезни непросто рано – в 53 года. Но за это время он успел очень много. В 31 год защитил кандидатскую диссертацию и тогда же принял таинство Святого Крещения. На следующий день после того, как надел крест, над ним и его женой Еленой, тоже, кстати, биологом, было совершено таинство Венчания. Путь от псаломщика до настоятеля строящегося в городе Курчатове храма отец Георгий прошел всего за несколько лет.

Каким ключом открыл батюшка сердца советских атомников – не знаю, но город с его появлением зажил поистине другой жизнью. К людям пришла вера.

Мне посчастливилось быть знакомым с ним, а теперь я продолжаю дружить с его семьей, которая вся влилась в приход нашего храма. Дочь Екатерина окончила Московскую консерваторию, прекрасно управляет нашим детским хором и ведет церковное пение. Муж Андрей Галицкий – виртуозный кларнетист, но еще наш алтарник и преподает Закон Божий. Именно эта музыкальная семья помогла нам подобрать и приобрести чудесный концертный рояль, который у нас трудится в полную силу – сопровождает занятия детей, концерты классической музыки. Когда наш детский хор участвует в песнопениях на богослужениях, там непременно и матушка Елена, и две ее внучки – Ксюша и Лизонька. А внук Юра – он в это время в алтаре.

Думаю, не ошибусь, если скажу, что нет храма, в котором хотя бы раз не случился пожар. Причины, как правило, схожие: где-то так называемый человеческий фактор, где-то стечение обстоятельств; много открытого огня в храмах – тоже вещь опасная. Церковным людям понятно, почему при прочих равных условиях вероятность пожара возрастает именно в домах Божиих: враг рода человеческого

го для того и не спит. Потому противопожарная безопасность – забота забот любого храма, в том числе и нашего. Однако напасть эта не обошла и нас.

Когда мы получили храм, его купол, как вы уже знаете, находился в таком состоянии, что водружать на нем крест было опасно – кровля не могла выдержать вес человека, не то что креста. Поначалу крест, и вы это тоже уже знаете, просто прислонили к восьмерику, чтобы его можно было видеть издали. А мы тем временем приступили к восстановлению центрального купола над восьмериком. Разобрали дощатые щиты, покрытые где рубероидом, где листами ржавого железа. Работали, естественно, по проекту, чтобы не исказить первоначальный замысел архитектора. Пожалуй, единственное отступление, которое мы позволили, заключалось в том, что заложили в конструкции куда больший запас прочности, чем это предусматривалось раньше самим Быковским. Не могу сказать, что у меня на этот счет были какие-то оформившиеся планы – скорее интуиция, да и сработала, наверное, наша национальная черта – если уж делать, то не на живую нитку, а на века. Жизнь подтвердила правильность этого решения – двутавровые несущие балки нам потом очень придется впору, но не станем спешить.

Вся конструкция состояла из трех частей: барабан переходил в купол, который, в свою очередь, венчался крестом. Сваривали купольные фермы мы, естественно, на земле, а затем уже поднимали их наверх. Напрашивалось сравнение с фильмом «Высота», да где на советском экране можно было увидеть кинокартину о восстановлении церкви! Я был тогда молод и с удовольствием и интересом поднимался на монтажную площадку. Помню, сколько переживаний принесла одна нестыковка. Надо было сажать конструкцию на шесть болтов, а одна шпилька не совпала с входным отверстием. Пришлось поднять краном сварочный аппарат, сверлить другое. Все это время поднятый купол висел на тросе, чуть покачиваясь, и мы с волнением следили за операцией. Выдохнули, только когда купол плотно сел на штатное место. Можно было приступать к следующему этапу – обшиванию деревом и поперх – медью.

Диакон Александр – прихожане его называют «отец Айболит» – врачует православному народу и зубы, и души

Анатолий был мастером высочайшего класса. Например, в Ново-Иерусалимском монастыре он выполнял скульптурные работы по меди. Следы его творчества – на здании гостиницы «Россия», но их, к сожалению, сегодня не найти, поскольку исчезли вместе с самим зданием. У нас он сваривал главный купол. Это была очень сложная работа, и он выполнял ее превосходно. Но именно к таким людям и к таким делам особенно пристрастен лукавый. Анатолий сварил последний шов и засобирался домой. По правилам противопожарной безопасности после завершения сварочных работ надо оставаться на рабочем месте еще в течение часа. Но очень хотелось успеть к электричке. Потом, рассказывая, как все было, Анатолий вспомнил интересную деталь. К нему на плечо сел белый голубь. Он смахнул птицу и заспешил вниз...

Мне позвонили домой и сказали: в храме пожар. Не буду рассказывать, что я перечувствовал и передумал, пока доехал до храма. Пожарные уже были на месте, да и огонь, собственно, уже задавили. Сгорел купол, точнее только деревянная обрешетка. Медное покрытие, к счастью, не пострадало, было только обожжено и почернело. Разумеется, ничего не сделалось металлическим балкам. Слава Богу, обошлось малой кровью. А ведь страшно подумать...

Анатолий восстановил уничтоженное огнем за свой счет, сам, без всяких напоминаний, и только сокрушенно вздыхал, вспоминая голубя, которого согнал с плеча:

– Это был мне знак. А я не понял...

Анатолий вскоре умер. Словно совершил человек проступок, принес покаяние и после всего ушел из жизни. А может, это я ищу смысл, которого нет?..

За четверть века, что служу в Знаменском храме, не могу назвать года, когда в нем не велись бы какие-нибудь строительные, поддерживающие или восстановительные работы. Дело не только в том, что советской властью храм был практически превращен в руины. Сложись его судьба иначе, как у тех немногих церквей, которые никогда не закрывались и не «перепрофилировались», ему все равно нужна была бы постоянная забота. Но я говорю эти, в общем-то, бесспорные вещи вот с какой целью. Хотелось бы, чтобы те, кому выпадет заниматься чем-то подобным, присмотрелись и к нашему опыту. Правильно, вреда от этого не будет.

Как бы ни был гениален тот или иной архитектор, он творит в определенной технологической эпоху. Его фантазия, проектные решения заметно регулируются техническими возможностями его времени. Но гений, наверное, тем и отличается от ремесленника, что в своем творчестве выходит за гра-

ницы очевидного, пусть порой даже не явно, но в зашифрованном виде. Михаил Доримедонтович Быковский, построив ховринский храм, оставил нам немало архитектурных ребусов. Например, его фасады буквально звали к тому, чтобы быть расписанными или украшенными мозаикой. Например, изображение иконы Божией Матери «Знамение», выходящее на Фестивальную улицу, всем своим видом утверждало, что храм жив, пусть и разрушен. Но изображение постоянно выгорало от солнца, каждый год его приходилось поновлять. Возникла мысль создать мозаичную икону Божией Матери «Знамение», нашей Заступницы, в полный рост. Как всегда в Церкви, «ниоткуда» появился художник Александр. Если быть точным, не совсем ниоткуда – работал в мастерской одного нашего прихожанина. Он привлек еще двух мастеров. Теперь икона украшает южный фасад нашего храма. И такое впечатление, что так было от века. Вот что значит талант архитектора!

Работа была очень сложная. Мозаика – материал сам по себе довольно

тяжелый. Огромная ростовая икона – это же какой вес! Значит, класть мозаику надо на такую основу, которая не рухнет под ее тяжестью. И все это на виду у всех, во дворе храма. Это ведь не картина, которую художник пишет в студии, а потом вот она, перед вами.

Обычно чудо, если Господь сподобляет нас стать его очевидцами, вершится мгновенно: вроде ничего не происходит, и вдруг – раз! – и возникает нечто новое, о чем даже помыслить было невозможно. То, что происходило у нас во время создания мозаичной ростовой иконы «Знамение», тоже можно назвать чудом, но другого толка. Это было чудом постепенного преображения. Преображался образ, день ото дня приближаясь к завершенному виду, и преображались люди, наблюдавшие за этим процессом. Сначала останавливались просто из любопытства: посмотреть, что же это такое там делают? Потом стали задерживаться, и было видно, как шевелятся их губы в безмолвной молитве. Потом стали предлагать помощь: хотелось внести и

свой вклад. Так, семья Фадеевых оплатила изготовление мозаичной иконы преподобного Серафима Саровского на часовне, что слева от входа. Кто-то, по возможности, заказывал более мелкие образа. Возникло даже что-то вроде конкуренции между прихожанами: узнав, что предстоят еще мозаичные работы, просили «зарезервировать» за ними право ктитора.

Последняя работа в мозаике – перед освящением Знаменского храма – иконы наших небесных покровителей и новомучеников на западном фасаде и большая икона святителя Николая – на северном. И я вновь не могу не восхищаться даром предвидения архитектора Быковского. Не будь в его замысле этих утопленных в стены углублений, как бы «слепых окон», эти мозаичные иконы выглядели бы нелепо, смотрелись бы случайными. Сейчас же они воспринимаются настолько органично, что без них представить наш храм уже невозможно. Как видим, даже другая, чем два века назад, технологическая эпоха не стала препятствием на пути таланта.

И клирик, и лирик

Так «Лампада» однажды уже назвала отца Владимира Русина. И, похоже, не ошиблась

Передо мной изрядная стопка распечатанных на принтере листов. За три года накопилось. Перебираю, пробегаю взглядом, что-то откладываю в сторону, что-то, напротив, придвигаю ближе. Эти «что-то» – будни деревенского священника, изложенные автором в ответ на мои просьбы. Зима... лето... опять зима... В промежутках, понятно, весна и осень. Можно сказать, полный круг. Когда-то я попросил отца Владимира Русина рассказывать мне о своей церковной и нецерковной жизни. О том, как служит ему в двух храмах, стоящих в разных деревнях: один – Покровский – в селе Кунье, другой – вмч. Димитрия Солунского – в Средних Апочках. Как живет-живется его матушке Пелагии со чады. Как, наконец, живет-живется самим чадам – Тихону, Насте и Машеньке:

«Вчера в Средних Апочках похоронили последнего ветерана войны, участника Сталинградской битвы Евгения Дмитриевича Селезнева. Успел причаститься и пособороваться перед смертью. Просил его не забывать. Прошу и я помянуть новопреставленного Евгения. Он нам окошки в храм делал, когда церковь вернули верующим. А его супруга, умершая пять лет назад, на свечном ящике стояла».

«...А в Апочках на днях ветром крышу левого придела разорвало. Я прозевал момент, когда один гвоздь оторвался и оцинковка “играть” начала. Теперь придется серьезные кро-

вельные работы организовывать в новом сезоне».

«Вчера не рискнул служить литургию (матушка с бронхитом, Татьяна после болезни, баба Лида в городе у дочери, Ольга Тимофеевна с мужем в областной больнице), ограничился молебном и панихидой. Было пять человек».

«Сегодня были в Курске на приеме у митрополита Германа по вопросу открытия памятной таблички на доме, где жили священномученики Дамин и Онуфрий, и по поводу установки креста на расстрельном полигоне “Солянка” под Курском».

поповским детям вроде бы пристало не забывать, чьи они, но дети есть дети...

Впрочем, хватит вступительных слов. Обратимся непосредственно к текстам и фотографиям. Думаю, из них сложится достаточно объемная картина. Отец Владимир обладает незаурядным чувством юмора, что позволяет ему несколько по-другому оценивать иные реалии нашей действительности. Поверьте, это хороший опыт, который не мешает воспринимать другие стороны жизни глубоко и серьезно. Так вот и живет сельский батюшка Владимир Русин: приводит ко Христу мирян, восстанавливает храмы, вместе с матушкой растит чудных детишек, пишет стихи с прозой и выпускает книги. Все одинаково радостно, как и наставляет Апостол.

Павел Демидов

«Очень печалят украинские события. Очень. От моей родной деревни до границы – 2 км.

УКРАИНА-2014

Украина – как рана.
Рану вряд ли залечит весна.
Отморозки с Майдана
Спят. Но снится им снова война.
Месяц тесто протеста,
Выпекают беды каравай.
Вразумлять – бесполезно:
Украина шагнула за край.

А в Апочках активно идет монтаж парового отопления».

БЫВШИЙ СВЯЩЕННИК

Татарские орды в наше село давно не наведываются. Немецкие захватчики нашу землю не топчут. Американские агрессоры пока только ругаются в наш адрес да санкции изобретают. А жулики и мошенники разных мастей время от времени появляются на улицах Кунье. Зачастую я узнаю об их гастрольных турах уже задним числом. Когда какая-нибудь бабушка сокрушается: «И зачем мне этот подарок от Елены Малышевой, да еще за такую цену?!». Но поздно. Гастролеров и след простыл. А вместе с ними исчезла и бабушкина пенсия. Хорошо еще, если «подаренный» ими тонометр, массажер или другой какой прибор поработает какое-то время, утешая старушку. Ну и что, что он в аптеке стоит в три раза дешевле? Аптека-то в городе. Ребята старались, везли. Но редкий «подарок» доживает до середины следующего месяца. И кому предъявить претензии? Елене Малышевой?

И самое обидное не то, что доверчивые люди терпят материальный ущерб, а то, что в мире увеличивается удельный вес лжи. Обманщики и ловкачи думают, что они работают на себя, хитростью выманивая денежные купюры из чужих кошельков. Однако каждый христианин знает, кто настоящий отец лжи. Тот, кто издавна противится Отцу нашему Небесному. Сатана. Дьявол. Вот и выходит, что жулики работают на бесов.

Поэтому-то я так и встревожился, когда узнал, что минуто назад мою соседку Валентину Федоровну посетили заезжие гости с «подарками». Нагнал я их уже через три дома, у другой бабушки. Вернее, не их, а одного поджарого мужчину средних лет с цветастыми целлофановыми свертками под мышками. Его сообщница обрабатывала жителей на второй половине села.

В затрапезном подрянике с взлохмаченными волосами, теряя по дороге сле-

панцы, я спешил на поединок с непрошеным визитером. И готов был отделить грех от грешника, если потребуется, даже физически. Но несостоявшийся противник меня молниеносно обезоружил: «Благословите, батюшка».

Два коммивояжера к Елене Малышевой никакого отношения не имели. Они преследовали коммерческий интерес и не скрывали этого, торгуя комплектами постельного белья китайского производства. Их можно было упрекнуть лишь в том, что они давили на жалость, рекламируя свой товар. Мол, мы сами не местные, а с Украины. (Описанный случай произошел до чреды геополитических катастроф, последовавших за печально известным Майданом).

Украинский коммерсант закрепил мою полную капитуляцию просьбой помолиться о рабе Божием Иоанне. Убедившись, что я гнев сменил на милость, он получил от бабушки плату за цветастый сверток и доверительно шепнул, что тоже был... священником. Служил на западе Украины. Но потом обстоятельства так сложились, что сана его лишили. И теперь вообще у него другая семья.

— Ну и как, счастливы со второй женой? — зачем-то брякнул я. Вероятно, запас желчи, подготовленный для переваривания «посланца Елены Малышевой», вырвался таки наружу.

— Нормально живем, — то ли меня, то ли себя заверил бывший иерей. — Вот только дочь от первого брака не хочет со мной общаться. Ушла в монастырь. Уже приняла монашество. А со мной даже разговаривать отказывается... Скажи, отец, разве так можно? Я ведь ей родитель. Она меня почитать должна.

Я не нашел, что сказать своему собеседнику, который после моего неуместного

вопроса перешел на «ты». Хотел ответить: «Да, должна. А ты вспомни, что на обороте твоего иерейского креста было написано: “Образ буди верным словом, житием, любовью, верою, чистотою”. Ты выполнил свой иерейский долг до конца?». Но для такой обличительной проповеди желчи мне не хватило. Разве сам-то я во всем являю образ достойный подражания? Не судите да не судимы будете.

Продавец постельного белья ушел. А я долго не мог успокоиться, мысленно с ним полемизируя. Мой мысленный визави не оправдывался, но и не выражал раскаянья. Он просто смотрел на меня своими печальными глазами, словно упрашивал купить у него всю партию товара оптом...

Враг рода человеческого не только по деревням рассылает своих мошенников. Его слуги атакуют каждое сердце, подбирают ключи страстей к каждой душе. В 1920-е годы Русскую Церковь раздирали раскольники-обновленцы, адаптируя церковные каноны под греховное состояние падшего человека. Они ратовали за женатый епископат, за отмену монашества, за второбрачное священство. Господь отнял у них благодатные дары за их беззакония. В годы репрессий некоторые священнослужители снимали с себя сан из страха перед грядущими страданиями и порой открыто переходили в стан безбожников. Бахвалились своим безбожием с газетных страниц. Мученические венцы, предназначавшиеся им, приняли другие христиане, зачастую не получившие систематического духовного образования, но всей душой преданные Богу и Его Церкви. Их жития должны быть для нас вдохновляющим примером. Должны. А мы и не знаем их.

Бывший священник. Что может быть печальнее этого словосочетания?..

Наверное, такими видит Господь наши храмы: Покровский в селе Кунье и вмч. Димитрия Солунского в Средних Апочках

ИЗ ЦИКЛА «БАКЛУШИ»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тебе, имеющему уши,
Я написал сии «Баклуши».
Прости за невысокий стиль
И не спеши сдавать в утиль
Венок потешек и баклушин –
В них много для души отдушин.

ПРИГЛАШЕНИЕ В КУНЬЕ

Смешались в сердце пионера
И темперамента холера,
И вера малого размера,
Вина, вино и молоко.
Куда, куда бы удалиться,
Чтоб было время помолиться
И чтобы все-таки столица
Была не очень далеко?

Развейте все свои сомненья,
Испуги или опасенья
И поезжайте в Черноземье.
Конкретно – в Кунье вас зову.
Однажды в этой жизни надо
Хоть раз прорвать блокаду МКАДа,
Узнать Россию без парада,
Увидеть неба синеву;

С разбега окунуться в воду
И в чем-то ближе стать к народу
И без коррекции на моду
Снять шапку иль надеть платок.
И как-то утром очень рано
Найти себя в пространстве храма.
И здесь от мусора и хлама
Спасти сознания поток.
3 мая 2016 г.

ЮРОДИВЫЙ

Все раздал и вернулся домой
С бородой да пустою сумой.
А когда навсегда он ушел,
Оказалось: он все приобрел.
8 мая 2016 г.

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

Ведущая, шпаргалками шурша,
Молчания минуту объявила.
У обелиска – горстка малышей
И кучка взрослых. Братская могила
Ухожена. В побелке и цветах.
Звезда опять блистает ярко-красно.
Молчания минута. Все и так
Вели себя вполне себе безгласно.

Доковыляла пара стариков,
Война которым опалила детство.
Да пара безработных мужиков,
Которым просто в праздник негде деться.
Не стал я б умножать дежурных од.
Победа, Пасха – время для объятий.

Кстати, не о птичках
эта книга.

А о том, как в «лихие 90-е» молодые
люди репетировали взрослую жизнь.

«Орёл — символ апостола
и евангелиста Иоанна Богослова.
А ещё Орёл — город,
в котором пролетела моя юность.
В те годы я ещё не знал, что Господь
готовит меня к священству»

Но ветеран один у нас – и тот
Не годен к строевой мероприятий.

Стою. Молчу. Природа не молчит.
Мычит корова. И приток Оскола
Журчит. А соловей, певец ночи,
Вонзил средь дня пронзительное соло.
В минуте той секунд не шестьдесят,
А двадцать – двадцать пять, от силы –
тридцать.

Что толку, что минуту помолчат?
Полезнее бы было помолиться.
9 мая 2016 г.

СИГНАЛЫ СОВЕСТИ

Вот я стою: одет, обут и сыт.
Чего же мне еще недостает?
А нет стыда!
Куда-то делся стыд.
И совесть мне сигнал не подает.

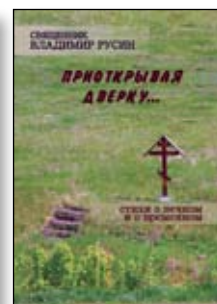
Вот сяду я. Сижу, гляжу в окно.
А за окошком дождик льет и льет.
Стыда в окно не видно все равно.
И совесть мне сигнал не подает.

Вот дам я объявление в интернет:
«Награда тем, кто стыд во мне найдет».
А вот стыда-бесстыдника все нет.
И совесть мне сигнал не подает.

Открою книгу – фигу вижу там.
Без совести и повесть не прочесть...
Сигналил беспокойством совесть нам.
А значит, стыд и совесть все же есть.
22–23 мая 2016 г.

* * *

Не светят бонусы и гранты.
Авансов больше не дают.

Не пишут в «Юные таланты».
Не слышен критиков салют.
А это и не очень надо
Тому, которому милей
Покой, церковная ограда,
Просфора, ладан и елей.
12 мая 2016 г.

МАТУШКЕ
(эпиграмма)

Стоит твоя рассада на столе.
И кажется, что ближе ты к земле.
Сидишь на кухне, как военный в штабе...
Ну что еще для счастья нужно бабе?
6 мая 2016 г.

АВТОЭПИГРАММА

Я б лампочку вкрутил и гвоздь забил,
Но сел творить и обо всем забыл.
Роится много в голове идей.
Светло в ней и без ламп, и без гвоздей.
6 мая 2016 г.

ЭПИТАФИЯ

На пике сил, в расцвете лет
Ушел приятель в интернет...
8 мая 2016 г.

Лоза виноградная

*Юный князь
рос ловким и
смышленным.
Ничего не
предвещало резкого
поворота в его
судьбе. Но поворот
случился. И с этим
отцу-самодержцу
предстояло
смириться.*

Сербский монастырь Хиландар, одна из двадцати иноческих обителей Святой Горы Афон

Чернобровый красавец, у которого только еще начала пробиваться русая растительность на подбородке, Растко был непреклонен. Отца он, конечно, уважал и даже почитал, но ему открылся иной путь жизни, иное служение. Престол не останется без достойного царя. Стефан хотя уже и в летах, но еще ходит в походы и мало-помалу присоединяет соседние земли. Царство укрепляется и растет. Как растут два брата-царевича, один тоже Стефан и другой – Вукан, кто-то из них со временем и унаследует престол. Все решено, Растко не повернет назад.

Стефан замечал, что сына мало увлекают обязанности наследника престола. Кое-чему он, несомненно, научился. Ловко скакал на коне, метко стрелял, но, бывало, вдруг проявлял будто полное неумение. Стрела летела далеко в сторону и никак не могла поразить цель. Конь переставал слушаться, крутился на месте и явно хотел избавиться от неловкого наездника, сколько бы Растко ни тянул узду, сколько бы ни понукал его.

Таким же молодым конем, не желающим идти под управлением ездока, выглядел в глазах царя сам Растко. А Стефан был умелым и мудрым управителем.

– Если ты считаешь главным в жизни исполнять волю Божию, почему хочешь идти не тем путем, к которому предназначен от рождения? Ты же мой сын и должен стать царем!

– Я принимаю тебя, моего земного отца, с огромным уважением. Чту тебя и восторгаюсь твоими достоинствами.

– Достоинств и у тебя, надеюсь, немало. Или ты думаешь, что твои дела на поприще правления царством будут не такими успешными и твое имя померкнет рядом с моим?

– Нет, это меня не заботит. Что будут говорить обо мне люди – не столь важно. Лишь бы Господь сказал мне: войди в радость Мою, сын Мой!

– А если ты отказываешься от того, для чего родился и что должен исправно делать, разве Господь не укорит тебя?

– Если я соглашусь с твоей волей и исполню ее, буду твой верный сын. Но останусь рабом Господа. А Он приходил на землю, чтобы усыновить нас! Я хочу стать верным сыном Отца Небесного!

Царю Стефану нечего было на это возразить. Он и сам почитал Господа. Ни одно сражение не начинал без молитвы, без просьбы о помощи в предстоящей битве. И Господь помогал ему.

– Хорошо. Возможно, тебе будет лучше, если ты посветишь себя Богу. Я постараюсь принять твое желание как волю Божию не только для тебя, но и для себя. Но ты подумал о великой княгине? Она же мать, носила тебя под сердцем, ждала. Равовалась твоим успехам, когда ты рос. Выдержит ли ее сердце?

– А если я паду в бою, разве ей будет легче?

– Война – дело привычное для царей и цариц. А умереть при жизни, оставаясь живым...

– Лучше умереть для этой жизни, исполненной войн, ненависти и предательства, и остаться живым в вечности, нежели предаться всем порокам и в конечном итоге умереть навсегда.

– Но что ты скажешь родной матери?

– Я скажу, что отец благословил меня. Остальное скажешь ты.

Стефан не смог на это ответить ничего. Только великая княгиня и он знали, какой ценой они получили достойного наследника. И вот сын отказывается от причитающегося ему наследства. Не в силах успокоиться, царь пошел в комнаты царицы.

– Растко не будет царем, – чуть ли не с порога объявил он.

– Ты решил оставить престол Стефану? Или Вукану?

– Я ничего не решал! За меня все решил Растко.

У Анны забилось сердце, как затрепетало оно, когда ей представили будущего жениха и их взгляды встретились, но дочь византийского императора не должна показывать своего волнения. Она, как и тогда, взяла себя в руки и со спокойствием, на какое была способна, сказала:

– Он никогда не интересовался государственными делами. Ему было бы трудно управлять царством.

– Но он самый способный из всех братьев. Не напрасно мы с тобой так долго молились, испрашивая у Господа третьего ребенка, на которого можно оставить царство.

– Да-а! – протянула Анна. – Долго!.. И Господь даровал нам чудное дитя. Может, его и надо «вернуть» Господу?

– Анна, – взволнованно сказал Стефан, – сколько лет мы с тобой вместе, но я не устаю удивляться, глядя на тебя.

– Что, дорогой? – будто не поняла великая княгиня.

– Самое дорогое, что у нас есть, отдать Господу?

– Подарок должен быть достоин Того, Кому приносишь дар.

– Так ты уже поняла намерения нашего Растко?

Царица давно все поняла, но не хотела признаться сама себе, хотя и вела разговор с хладнокровным видом.

Сама росшая с няньками и мамками, Анна не принимала большого участия в воспитании своих сыновей. У нее и без того хватало забот. Но младший их сын Растко, такой долгожданный и такой необычный!.. Он с детства производил впечатление взрослого, все понимающего человека, глядя своим недетским взглядом на собеседника так, что ни у царя, ни у царицы не было никакого сомнения, кто должен остаться на престоле после Стефана. Собственно, объединенные княжества еще не были царством и Стефан был просто великим князем, жупаном, но их любимец Растко, Ростислав, несомненно, должен был стать царем. И закончить дело, которое начал отец его Стефан!

Анне вспоминались разные моменты из детских лет Растко. Года три-четыре назад, когда у него начал

прорезаться мужской голос, он вдруг заболел. Позвали повивальную бабку Милицу, которая была при дворе на все случаи жизни, хорошо разбиралась в травах и знала, в каких случаях что надо давать. Она слушала его сердце, трогала живот, печень, что-то все шептала. Потом вдруг произнесла:

– Какая тонкая художественная натура! Ему бы иконы писать...

– А что с ним? В чем дело? Почему у него второй день такая высокая температура? Это не смертельно?.. – беспокоилась великая княгиня.

– Нет, это не к смерти. Это – к жизни!.. Пусть весь день ничего не ест, только пьет святую воду. А завтра причастится.

Так все и получилось. На следующий день после обедни Растко был полностью здоров, будто и не болел. А что означали слова Милицы? Почему ему надо писать иконы?

Впрочем, иконы – это понятно. Мог бы и писать, если уж захотел бы. Но стать иноком, уйти в монахи! Разве это царское дело?! Разве он для того родился князем?!

Он почему-то никогда не смотрел ей в глаза. Даже когда приходил вечером на благословение... нельзя было сказать, что он отводил взгляд, просто смотрел куда-то вглубь себя. Она целовала его в лоб, крестила и отправляла:

– Ступай с Богом!

Мальчик, кровный ее сын, не спеша уходил, а у нее оставалось чувство чего-то несказанного или недосказанного. Он ей не сказал? Или она? Но что она могла или должна была сказать ему? Растко сильным и смелым и не уходит в монахи?!

А Растко всегда был и сильным, и смелым. Последнее время он жил уже отдельно, в своем небольшом замке. Но она знала, как он живет. Занимается стрельбой из лука, любит скакать верхом и преодолевать длинные расстояния по холмам, оврагам и ручьям. Выезжает на охоту и никогда без добычи не остается. Она знала, о чем он говорит с братьями, когда они встречаются или едут на охоту, со слугами, перед глазами которых проходил вся его жизнь. Не знала только, о чем говорит он с Богом. Этого, кроме Самого Бога, не знал никто. И ее это не волновало.

В Анне боролись два чувства: любовь к сыну, который должен был выполнить

свой долг, и... материнская любовь, которая никак не должна ограничивать свободу сына. По сути, она понимала, что ей нужно сказать своему любимцу: ступай с Богом! Но... произнести-то это легко, а как приказать сердцу, чтобы оно согласилось с этим?..

На следующий день великий жупан проснулся позже обычного. Ночной сон не принес отдохновения его душе. Да и тело капризничало. Болели суставы, голова была налита тяжелым свинцом. Пока царь был занят утренним туалетом, слушал чтение молитв, пока пил настой таволги, чтобы хоть немного унялись боли, не переставая думал о младшем сыне. Помимо того, что он был гордостью царя: хорош и умом и статью, самому Стефану пора было собираться в свой последний поход. Ведь ему давно уже перевалило за семьдесят. Сколько можно заниматься внешними делами?! Военные походы, переговоры, угрозы и давление на соседние княжества, золото-серебро... Пора и на покой, подумать о душе... Но вот Растко, семнадцатилетний сын, решил иначе. Сам, прежде престарелого отца, решил уйти «на покой». Не должно быть такого...

– Ваше величество, – постучался и вошел воевода Слободан, один из самых приближенных жупана.

– Что случилось? – поморщился Стефан, будто предчувствуя недобрую весть.

– Растко пропал...

– Как пропал? Когда? Он потерялся в горах во время охоты? Надо послать ловких наездников, чтобы прочесали лес!..

– Если бы!.. – как-то вдруг совсем спокойно ответил Слободан. – Растко вместе со своим стремянным Иованом ускакал перед самым рассветом, когда должна была начаться охота.

Стефан ненадолго задумался и приказал:

– Надо послать погоню!

– Пытались... Бесполезно. Они ушли какими-то неведомыми тропами.

– Объехать все окрестные монастыри! Возможно, они там... отдыхают.

– Будет исполнено, ваше величество! – заверил воевода и развернулся на каблуках, понимая, что царь будет надеяться до последнего.

Все-таки сбежал! Не получив родительского благословения. С этим царь

Много столетий эта виноградная лоза приносит бездетным семьям самую большую радость

никак не хотел мириться и, когда каждый день ему докладывали о безуспешности поисков, настаивал на продолжении.

Переживала и Анна. Молилась дено и ночью, звала Растко вернуться, просила. Неужели он не слышит материнского зова?! Или его сердце совсем огрубело?

– Этот грех простится ему? Господь не накажет его? – взволнованно спрашивала она придворного священника отца Божидача.

– Вы, ваше величество, думаете о нарушении заповеди. Но есть ли в его поступке непочитание родителей? Если он ушел в монастырь, а он собирався именно туда, то...

– Почему он поступил самовольно? Не дождался родительского благословения. Мы уже были готовы дать его...

– Сердце человеческое знает один Господь. Надо положиться на Его святую волю.

– Если человек не слушает родителей, может ли он услышать Бога?.. И как он выдержит послушание в монастыре, если не послушался родителей? Бедный Растко! Что ждет его?! – она достала батистовый платок и приложила к глазам.

Стефан, встречаясь с Анной, спрашивал о ее самочувствии, говорил о предстоящих визитах и делах, но ничего не мог вымолвить про беглеца. У него была одна решимость: найти и вернуть!..

Великая княгиня Анна тоже не могла завести разговор с мужем о Растко, но, когда встречалась с отцом Божидаром, говорила только об этом. Священник напомнил ей как-то, что недавно приезжал монах со Святой Горы и Растко весь вечер не отходил от него. Слушал его рассказы. И не просто слушал – ловил каждое слово.

– Может, он уехал туда? – предположил отец Божидар.

– На Святую Гору? Но это же так далеко?! Мы больше никогда не увидим нашего Растко?..

Материнское сердце подсказывало, что Божидар прав. Наверняка сын отправился туда. Уж если он захотел стать монахом, то по-настоящему. Там, где живут и дышат молитвой...

Для царя это известие означало одно: послать Слободана в сопровождении небольшого войска на Святую Гору! Найти!..

Солнце, не докатившись до морской глади, нырнуло в нависшую где-то вдалеке темно-синюю тучу, обогрив ее край угасающим огнем. Но над самой Горой, в открытом небе, словно тысячи свечей, засияли звезды, воспевая хвалу Богу.

«Слава в вышних Богу и на земли мир», – пела и братия монастыря, куда добрался воевода Слободан со товарищи. Это был уже четвертый монастырь на Святой Горе, но до сих пор их поиски не привели к цели. Когда воеводу под-

вели к игумену, он, испросив благословения, сразу же поинтересовался, нет ли среди братии обители нового послушника из далеких славянских земель.

— Есть, — неожиданно просто ответил игумен на понятном Слободану языке, поскольку сам был из тех же земель, только восточнее.

— Ростислав? — осторожно спросил воевода. И когда услышал утвердительный ответ, добавил: — Нам велено привезти его домой, царю!..

Игумен не возражал и пригласил воинов после дальней дороги вкусить от монастырской трапезы. И дорога была долгой, тяжелой, и вино монастырское услаждало гортань. И, главное, цель была достигнута: нашелся беглец! Вот великий князь с княгиней будут рады!.. А теперь можно и расслабиться.

Поздним утром, когда в монастыре уже отслужили обедню и братия разошлась на послушания, воины во главе с воеводой Слободаном проснулись и, немного смущенные, что во святой обители позволили себе лишнего, засобирались в обратный путь. Вот только Ростислава пусть приведут.

Все небо затянули тучи, моросил мелкий дождь. Не зря вчера солнце утонуло в чернильное пятно, нависшее над морем. Горные вершины покрывала серая мгла, от усилий ветра ненадолго открывавшая их зеленые склоны. В родных землях, откуда прибыли воины, тоже была холмистая местность и деревья росли такие же. Но воздух был каким-то другим. Может, море, окружавшее всю Гору, делало его особенно сладким? Хотя медовой сладости не ощущалось, но дышать хотелось полной грудью. И — чтобы это вдыхание не прекращалось!

А может, это монастыри делают воздух другим? Непрекращающаяся молитва множества монахов, рассыпанных вокруг всей Горы и поодиночке, и в скитах, и в больших монастырях? Да, необычное место эта Святая Гора! Не случайно Растко выбрал его...

А вот и он!.. Ростислав? Одежда чернеца. А лицо? Лицо его, но из-за строгости и сосредоточенности уже не располагает назвать этого человека прежним именем. Тем более уменьшительным.

— Эти одежды, — сказал чернец, а верный Иован положил перед Слободаном богатые доспехи, — передайте царю. Сегодня ночью я принял иноческие обеты и теперь не могу самоволь-

но покинуть обитель. Пусть Стефан и Анна простят меня... Грешный инок Савва будет молиться о них.

Новоиспеченный монах сделал земной поклон и тихо удалился.

Ни Слободан, ни кто из воинов не могли произнести ни слова. А что тут скажешь? Они чувствовали свою вину, что за вечерним пиршеством забыли о цели своего путешествия и больше думали о себе: что-то скажет царь Стефан по их возвращении?!

Бабка Милица не только не скорбела, но казалась даже радостной. Она вовсе не утешала Анну, а хотела передать ей свою радость и повторяла только одно:

— Все управится. Все будет складно... Его молитвами Господь утешит вас. И царю нашему Стефану надо смириться. Нечего мрачным ходить. Совсем побелел, как лунь... Инок Савва молится за нас!

А царь, после вспышки гнева и ярости, вылитой на Слободана, погрузился. Пошел в военный поход, не подготовившись должным образом, но одумался и повернул назад. Все строил планы, как вернуть сына. Выкрасть, привести насильно... Но как же потом отвечать перед Богом?..

— Нет выхода, — печалился он отцу Божидару. — И так плохо, и эдак не годится. Всюду тупик.

— Выход всегда есть, раб Божий Стефан. Но он не во внешних действиях. Ни успешными походами, ни возвращением твоего любимого сына, который уже и не Растко, а инок Савва, ничего не изменишь. Только несчастным сделаешь его. И сам от этого страдать будешь.

Великий жупан бил кулаком правой руки по ладони левой и сокрушался:

— Вот и я говорю — выхода нет. В мои-то годы... Такая напасть!..

— Твои годы должны помочь тебе. Пора успокоиться от великих дел и огромных трудов, которые ты совершил в своей жизни. Пора передать власть сыну Стефану. Пока ты в силе, поможешь ему стать настоящим царем. А сам... Пора душой заняться, пора...

— Разве я не каюсь в грехах своих, отец Божидар? Не причащаюсь?

— Ты делаешь это исправно. И Господь не оставит тебя без Своей милости. Но у каждого своя мера. Если ты способен на большее, должен взять свое время...

— Кто же может знать свою меру? Кому «мышца Господня» открыта?

— Войди в свое сердце. Только там ты встретишь Господа и только там сможешь услышать Его ответ. Другого пути нет. А что касается меры, то Христос всегда готов увеличить ее нам, чтобы мы возрастали в меру Его роста. Но для этого нужна решимость. Вот Растко решился... Христос есть Лоза истинная, и возрастать можно только будучи веткой на Ней.

В скором времени Стефан получил грамоту византийского императора и стал полновластным царем. Но не отец, а сын. Отец же удалился в монастырь, построенный им неподалеку, а потом перебрался на Святую Гору. Последовал ли зову своего сердца? Услышал ли зов Божий?..

Белые его усы совсем обвисли и слились с седой бородой, доходившей теперь чуть не до пояса. Ему перевалило уже за восемьдесят.

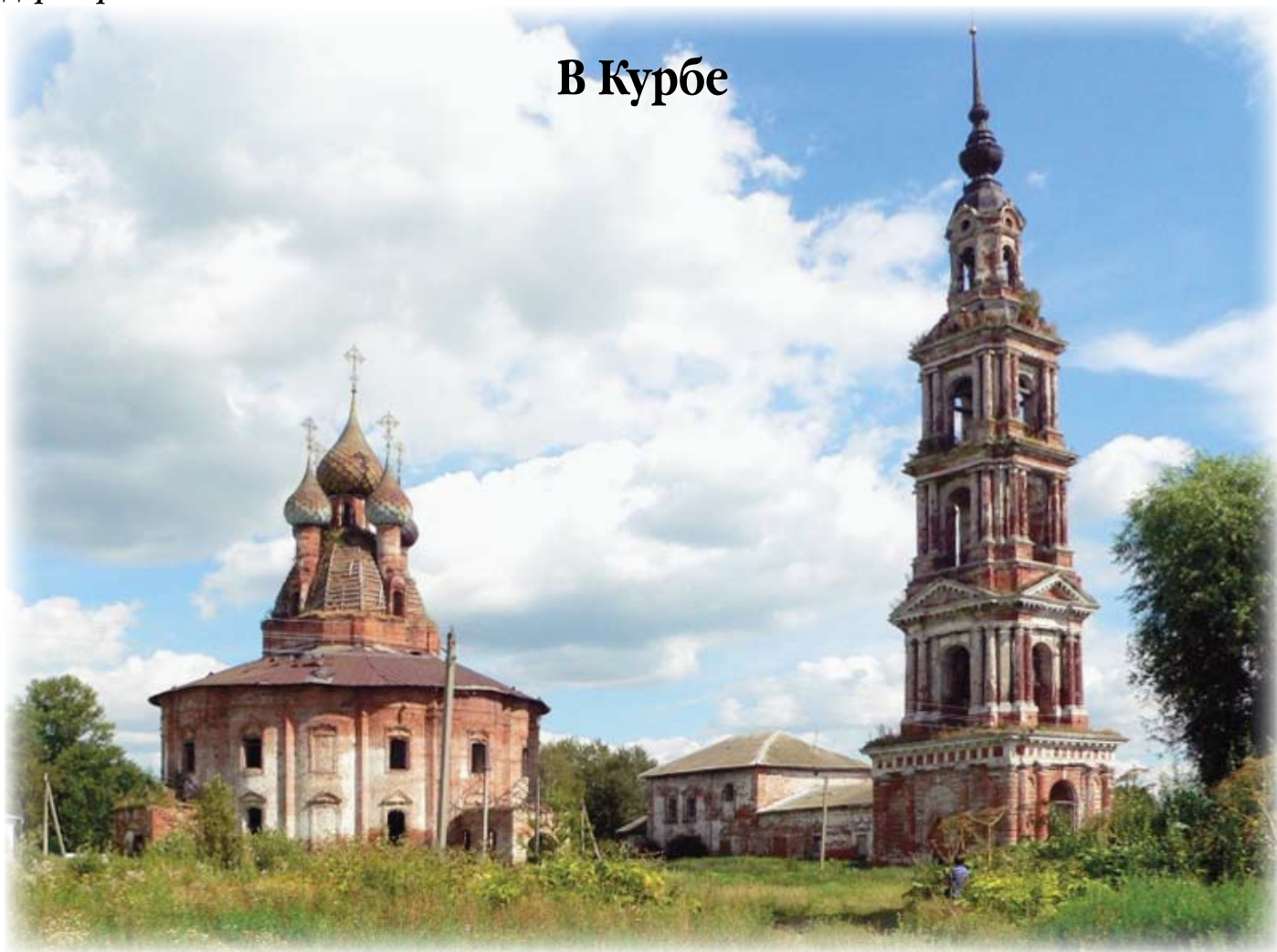
Анна тоже последовала за ним — тем самым Зовом — и ушла в женский монастырь. Душа ее воскресла, и печаль мира сего не касалась ее сердца. Любимый Растко, который, конечно же, давным-давно монах Савва, ни на минуту не исчезал из души Анны, которая звалась теперь Анастасией.

Через четыре года иноческих трудов на Святой Горе монах Симеон на руках у своего кровного сына, а в духовном наименовании отца, инока Саввы отошел ко Господу. Погребли его в монастырской церкви. Земли этого некогда заброшенного монастыря, расположенного в живописной долине, укрытой со всех сторон лесистыми горами, царственные иноки выкупили в Константинополе. Они вложили много золота-серебра в строительство обители, ставшей им и многим их соотечественникам родной.

Спустя некоторое время, когда мощи Симеона будущий святитель Савва поднял из раки и повез на родину, чтобы умирить вспыхнувшую между братьями рознь, на могиле Симеона, прямо из церковной стены, неожиданно выросла виноградная лоза. Она растет самостоятельно, не требуя никакого ухода, вьется в течение уже многих столетий и не прекращает плодоносить.

Уже не один век известно, что плоды этой лозы помогают бесплодным супружеским парам в рождении детей.

В Курбе

В окне автобуса плыли бесконечные устланные желтой прошлогодней травой поля с темными лужами и остатками снега в оврагах, попадались молодые березовые рощи и поблескивала узкая излучистая речка Курбица. В дороге наш провожатый – известный краевед Рустам Рахматуллин рассказывал об истории рода Курбских, зачитывал отрывки из писем самого знаменитого из них Ивану Грозному. «Да будет о сем Бог тебе судьей. И сие грызти кусательне за очи неповинного мя мужа, ото юности некогда бывшего верного слугу твоего! Не верую, иже бы сие было Богу угодно. И уже не разумею, ни чего уже у нас хощеши...».

Курба стояла еще сонная, замершая, ранние лучи солнца медленно стягивали с нее утреннюю дымку. Людей во дворах почти не было, только два старика дежурили у закрытого магазина и пожилая женщина в

болоньевой куртке шла вразвалку от колодца с двумя полными ведрами в руках. Было зябко выходить из нагретого автобуса. Рустам выбрался первый, провел нас по селу, на ходу установив, где у Курбских могли находиться конюшни, где въезд в имение, где какие службы, и наконец остановился у знаменитого 16-лепесткового храма Казанской иконы Божией Матери – огромного, темного, кажущегося слишком грандиозным для скромного поселения. Рустам преображал его своим рассказом, указывая на едва

заметные особенности едва живого строения: на сложное решение перекрытий, плоские, с треугольным и полукруглым завершением наличники окон, обрамления порталов. Рассказал об остатках росписей работы ярославских иконописцев и об исчезнувшей в советское время Казанской иконе, когда-то известной как Курбская. Внутри храма было сыро, холодно, на земле валялась штукатурка, мусор, осыпавшиеся со стен камни, в щели и дыры свода лились снопы утреннего света, сквозь которые летали потре-

Круглых храмов не так уж много на православной Руси. Однако это не уберегло их от разорения и разрушения, как вообще большинство церквей на нашей многострадальной земле. Не обошла горькая судьба и храм Казанской иконы Божией Матери села Курба, что в Ярославской епархии. А церковь – каких и в самом деле поискать. Выстроена в 1770 году. Очень оригинальная композиция, сложное конструктивное решение. Рядом изящная пятиярусная колокольня. Расписывали церковь ярославские иконописцы в течение трех лет. Кое-что из росписей сохранилось.

воженные нами голуби и воробьи. От стены отвалилась и упала деревянная доска, и мы поспешили выйти.

Группа обошла храм кругом и направилась к колокольне, а я задержалась, разглядывая этот странный, огромный, забытый людьми каменный цветок, это медленно погибающее чье-то грандиозное творение, чью-то мечту, чье-то детище.

Сзади послышались шаги и голос. «А село наше известное было в старину... – говорил темнолицый старик в рыболовном плаще. – Жаль церкву нашу, жаль. Большая... Вон, из Москвы даже приезжают смотреть. Вы ведь московские? Вот-вот. А одно время клуб был там. Теперь-то туда и не заходят, опасно – рушится храм. Никому дела нет».

– Ну, может, отреставрируют. Может, дождется.

– А кто его знает... дождется, нет. Я уж точно не доживу. А то, когда еще танцуйки там бывали, пошла дочка на Пасху в клуб и не вернулась, – он пожал плечами.

– Как... не вернулась?

– Пропала, и всё. Пойду, говорит, развлекусь. Мать моя ей: не ходи, Пасха завтра, грех в церкви плясать в субботу-то. А она: «Так мы там Пасху как раз и встретим!». Она же добрая была, золотая девчонка, вообще-то. Шутила все. Плясать могла ночь напролет...

– И как же так: не вернулась? Село такое маленькое, все друг друга знают.

– Знают-то знают, а вот не вернулась. Мы с женой с ног сбились. Соседи тоже искали. Не нашли, и всё тут. Ушла, и всё. Как не было. Время было лихое... Мать моя слегла, все в потолок глядела и молилась, внучку любила очень. Мать моя одна на всё село набожная осталась. Бог тоже в скорости забрал ее к Себе, тем и успокоил. А мы все ждали, может, вернется девка. Все ждали. Думали, может, заезжий какой поманил, увез куда, прогонит, она и вернется. Нет... Так и исчезла. Как не было.

Голос старика дрогнул, затрясся подбородок. Он замолчал и, пряча слезы, отворачивался, смотрел то на храм, то по сторонам. Вытер лицо рукавом, и тут мне показалось, что еще что-то хотел рассказать, но сказал только:

– На Пасху ушла девка. На Пасху...

Меня уже звали в автобус, махали руками. Но невозможно было оторваться от этого старика, от его горя. Молча смотрела на него, не находя слов. А он все говорил.

– Рушится храм-то, думаю, не починят. Нас тут осталось три калеки. Куда нам такой большой. Если дачники не начнут тут земли брать, умрет Курба.

Водитель посигналил и завел мотор. Так и не найдя нужных слов, я неловко попрощалась и побежала к группе.

Автобус медленно развернулся и стал набирать ход, оставляя позади село и старика в рыбацком плаще, такого маленького на фоне храма. Опять потянулись поля, длинные сверкающие на солнце лужи, последние островки снега, молодые березы и узкая, излучистая Курбица. И где теперь эта девушка? Исчезла «как не было»? Или танцует теперь в невидимом вечном храме, который ни люди, ни время уже не разрушат? Ведь не зря старик все повторял как заклинание, как утешение свое и единственную надежду: «На Пасху, на Пасху ушла».

Креститель, защитник и правитель

В Москве открыт памятник святому князю Владимиру

Появление в Москве памятника равноапостольному великому князю Владимиру закономерно и логично. Хорошо помню, с какой радостью верующие и все, кто любит и понимает Россию, летом 1988 года отмечали 1000-летие Крещения Руси. Тогда же началось бурное возрождение Русской Православной Церкви. Стержень нашей духовности и культуры именно православие. Россия – страна православная, а посему в ее столице непременно должен стоять памятник государственному деятелю, благодаря которому народ сделал свой духовный выбор.

Размышляя о том, кто мог бы встать вровень с князем Владимиром Святославичем на историческом пьедестале, я обычно вспоминаю только два имени – Петра Алексеевича Романова (Петр Великий) и Екатерину II. Мало вато? Согласен. Но надо помнить: хорошего много не бывает. А очень хорошего – тем более.

Великая миссия обращения к истинной вере народов великой языческой страны – такое не бывает случайным. Биография Владимира заставляет вспомнить такое слово, как богоизбранность. Его отцом был великий князь Киевский Святослав Игоревич – один из самых ярких героев ранней Руси. Мать будущего равноапостольного князя Малуша – ключница княгини Ольги, матери Святослава. По законам Древней Руси ключник или ключница ведали хозяйством своего господина и считались чуть ли не рабами. Так что прижитому сыну

не грозило стать наследником. К тому же у Святослава было два законных отпрыска – Ярополк и Олег, между которыми он и начал делить русскую землю. Неожиданно в 969 году в Киев прибывает посольство из Новгорода с просьбой дать им князя. Но за наследниками уже закреплены их уделы, и Святославу не остается ничего иного, как дать новгородцам на княжение Владимира.

В 972 году погибает Святослав, и вскоре родные братья затевают между собой распрю, которая заканчивается гибелью Олега. Владимир, не ожидая ничего хорошего от единокровного брата, скрывается в Скандинавии. Через несколько лет молодой князь возвращается на Русь с мощным войском варягов. Его дружина вышибает из Новгорода посадников Ярополка. Через них он передает ему свое послание: «Владимир идет на тебя, пристраиваясь противу биться».

Военным умением и мудрой политикой Владимир побеждает Ярополка и становится Киевским князем. Теперь под его рукой вся языческая Русь. На протяжении 980-х годов Владимир одержал несколько больших побед. Отбил у поляков города Перемышль и Червен, дважды разбил вятичей, не пожелавших платить дань, а затем завоевал землю балтского племени явягов. Под эгидой Киевской Руси объединялись разные народы с различными культурными традициями и хозяйственными укладами. Страна бурно развивалась, стремительно росла торговля, высокого уровня достигли коммерческие и культурные связи между городами. Дикие нравы и примитивные представления язычества явно не соответствовали духу нового времени.

Как мудрый политик, князь Владимир был заинтересован в стратегическом союзе с Византией. Как человек, подверженный порокам и страстям своего времени, он понимал, что собственное несовершенство не позволяет ему серьезно развиваться. Как духовное существо, он интуитивно осознавал, что люди охотнее повинуются не жестокости и тотальному подавлению, а свету любви и милосердия. Но сначала надо было найти источник любви внутри себя и обрести ту прочную духовную опору, которую может дать только принципиально новая религия.

Такой религией для князя Владимира и всей Руси стало восточное христианство. Путь, начавшийся беседами с неким греческим философом, проповедником византийского христианства, завершился под стенами поверженной Корсуни (Херсонеса), где, по-видимому, крестились и сам великий Киевский князь, и вся его дружина. У страны появился свой, уникальный путь, к которому мы, после долгих блужданий в духовных тупиках и исторических переулках, похоже, начинаем возвращаться.

И начинаешь понимать, сколь непростая задача стояла перед создателями памятника святому князю Владимиру, установленному 4 ноября

этого года на Боровицкой площади в Москве. Как воплотить в монументе редкое сочетание таких качеств, как воинская доблесть и талант государственного лидера, сомнения ищущего человека и уверенность религиозного реформатора, активная энергия полководца и искреннее милосердие новообращенного христианина? Мне кажется, что скульптору Салавату Александровичу Щербакову удалось предложить весьма интересное и оригинальное решение.

На соразмерном и мощном гранитном постаменте (высота 2 метра) стоит крепкая бронзовая фигура святого равноапостольного князя Владимира высотой 16 метров. Постамент, можно сказать, символизирует прочность обретенной духовной опоры – православного христианства. Крестителя Руси облагают одежды, напоминающие одновременно военный плащ полководца и облачение священника. Рельефные складки одежд придают фигуре мощный динамизм и устремленность вперед. В левой руке князь сжимает меч, вложенный в ножны. Но меч в ножнах – это не оружие нападения, а средство защиты. Правой рукой князь Владимир аккуратно и благоговейно поддерживает крест – священный символ нашей веры. Именно кресту отводится главная роль в преобразовании окружающего нас мира – от стихии озлобленного хаоса к гармонии, построенной на принципах добра и любви. Лик святого князя Владимира открыт и светел, глаза широко распахнуты. Это лик воина Христова, пришедшего в этот мир – крестить свою землю и воодушевить народ своей страны бесстрашно идти по стопам Спасителя.

Народный художник России Салават Щербаков – автор более 40 монументальных сооружений, в том числе Петру Столыпину и патриарху Гермогену в Москве. Памятник святому князю Владимиру сооружен по инициативе московских властей и Российского военно-исторического общества, изготовлен на его средства и частные пожертвования. Расходы на устройство и оборудование Боровицкой площади, а также на установку памятника взяло на себя правительство Москвы.

Высокий болевой порог – это плохо для всех

Встреча вторая

– Есть такая, с позволения сказать, философия: «Всем же не поможешь!». Это высказывание приводит меня в состояние невменяемости. Дьявольская уловка, которая вроде бы оправдывает жестокосердие. Но с другой стороны: всем же действительно не поможешь. И как тут быть?

– **Напрашивается общеизвестное: делай что должно, и пусть будет что будет.**

– Именно общеизвестное, но не всеупотребительное. Я скажу, быть может, жутковатую вещь: себе можешь помочь? – вот и помоги.

– **Вы, конечно, имеете в виду: себе помоги через помощь другому?**

– Не хочу конкретизировать. Но тебе нехорошо. Значит, надо что-то делать, рука чешется...

– **Простите, я опять о своем: нехорошо – душе?**

– Не зубы же болят! Тут все ясно: к дантисту! Но вот, так сказать, обратная сторона Луны – человек страдающий. Неизвестно, от чего он страдает больше: от того, что ему не помогают, или непосредственно от недуга.

– **Мне кажется, больше от первого. От того, что не помогают.**

– Так помоги! Себе. Через помощь страждущему, хотя всем, повторюсь, и не поможешь.

– **Непростая конфигурация...**

– На первый взгляд, даже шокирующая и циничная. Но единственный способ помочь другому – это помочь себе. Я не говорю, что он хороший или плохой, этот способ. Он – единственный.

– **Вы так категоричны...**

– Я, во всяком случае, за свою уже довольно долгую жизнь с другим не встречался. Может быть, он и существует. Не знаю.

– **Как вы считаете: люди, помогая другим, думают о том, как поступают? Или ни о чем не думают, а просто делают?**

– Как вам сказать... Старушка поскользнулась, упала. Человек подбегает, чтобы помочь ей подняться. Он разве думает о том, как, допустим, выглядит со стороны?

– **Если он – нравственный извращенец, то запросто.**

– Именно. А у нормального это срабатывает автоматически.

– **Можно сказать так: Господь заложил в человека инстинкт самосохранения? Помогая другому, человек помогает себе, то есть способствует своему спасению. Не значит ли это, что добродетель реализуется на уровне инстинкта?**

– Красивая конструкция. Вы хотите придать инстинкту нравственную окраску. Не могу согласиться с вами. Инстинкт не имеет никакой окраски, на то он и инстинкт. Окраску имеет человек как подобие образа Божия. Правда, это не значит, что с человека нет спроса: в его власти быть праведником или стать подлецом. Если ты не подойдешь и не поможешь старушке, тебе с самим собой будет невозможно жить.

– **Этот вывод у вас основан на личном опыте?**

– Опираюсь на какие-то устойчивые наблюдения я могу, оперируя прежде всего личным опытом.

– **И он, наверное, не всегда безоблачен?**

– Любой конфликт в нашей жизни безальтернативен: чтобы сохранить себя, надо сдаться.

– **Вы уверены, что, именно сдаваясь, мы тем самым сохраняем себя? Может быть, все же теряем? Причем безвозвратно.**

– Мы с вами говорим о личном опыте, верно?

– **Похоже, вы предложили так. Получается, это сродни тому, чтобы подставить другую щеку?**

– Сродни. А что делать? Не потому, что так надо, а потому, что так легче.

– **Вы хотите сказать: так устроен человек?**

– Повторяю: так – легче. Мой первый большой роман назывался «Ударом на удар». Там был такой посыл: человек исповедовал принцип «ударом на удар», но все, кому он смог внушить этот принцип, – погибли. Ответ ударом на удар не приносит счастья. Если человек верит, что все вершится по Промыслу Божию, и если при этом он отвечает ударом на

удар, значит, он противится этому Промыслу.

– **Не следует ему.**

– Но вот не знаю: противится или не следует? Пока не знаю. Ничего не могу сказать.

– **Вы видите разницу между этими глаголами?**

– Есть Высшая воля. Перед ней лексические девиации не имеют значения. Как сказано у Апостола? Да – да, нет – нет. Остальное от лукавого. Ударом на удар – где тут найти место для любви?

– **Мы не ушли от темы?**

– Мне не кажется. Как можно уйти от темы своего спасения? Она пронизывает все наше существо, даже если мы в него не верим. Ощущать себя орудием в руках Божиих, с одной стороны, великое благо, а с другой – немалый соблазн.

– **Соблазн оправдать себя?**

– Именно так. Оно подстерегает нас – желание оправдаться, спрятаться за Его спину. Кто, мол, решает? Я? Нет, это был Промысл Божий. Он попустил, а я, оказываясь, обратил это попущение во вред себе. Это что? Наказание? Но Господь не наказывает. Он учит. Где грань между Божиим научением и результатом собственного своеволия? Сложно... Очень сложно... Где грань?

– **Узнать об этом мы сможем в лучшем случае после того, как все свершилось.**

– Не просто свершилось, а как было оценено. Это твой груз. Ты несешь его на себе. И уже ничего не поправишь. Разве что раскаешься... если успеешь. Знаю только: пока у тебя есть силы, хоть сколько-нибудь... держись. Чтобы тебя не дергало ни вправо, ни влево. Чтобы ты мог сопротивляться... нет, не ударом на удар – сопротивляться собственной неустойчивости... чтобы ты точно знал: сюда нельзя, сюда нельзя, туда не ходи...

– **Это сопрягается с вашей писательской работой?**

– Это сопрягается со всей жизнью и формулируется просто: работать надо. Делать дело – делать его адресно – получить результат. Вот и вся триада. Для человека самое страшное – увидеть бесполезность своего труда, своих дей-

ствий, своих стараний. Это то, что выжигает всякий добрый порыв, всякую инициативу. Хотя на поверку всего лишь трехзвенная причинно-следственная цепочка...

– ... которая на деле скреплена со всем другими, далекими от прагматизма связями.

– Что вы имеете в виду?

– Образ и подобие Божие, по которым мы сотворены. Которые не позволяют использовать другую, и тоже так называемую, философию: «Ему (или ей) все равно уже ничем не можешь».

– Именно не позволяют. И потому надо сделать все, что возможно, и даже сверх того, и не тебе решать, поможешь ты или нет, несмотря на все твои усилия.

– Вы имеете в виду писательское дело тоже?

– А я ничем другим не занимался. Хотя получил образование не по писательскому профилю. Если быть точным, я – наполовину писатель, наполовину журналист. Что почти одно и то же. Но то, о чем я говорил только что, относится ко всему и ко всем, кто бы чем ни занимался. Вы своим пером должны помочь решить невысказанную проблему – способствовать сбору денег на чью-то дорогую операцию. Все просто как палец. Нужно написать об этом выразительно, грамотно, так, чтобы люди прочувствовали и восприняли чужое горе как свое личное, чтобы им было больно. А теперь у людей болевой порог повысился, они стали менее чувствительны. Не потому, что очерствели, хотя это тоже имеет место.

– Модель бытового жизненного поведения стала иной, так? А это не может не сказываться на всем человеке, включая слезные железы и надпочечники, вырабатывающие адреналин. Знаете, я смотрю на то, как общаются между собой наши тинэйджеры. Не конфликтуют, а вполне дружелюбно общаются. Но при этом отвешивают друг другу такие плюхи, которые в нашем с вами детстве имели место только в жесточайших драках.

– Сегодня кулачные бои уже архаика. Теперь в чести бои без правил. Поставим точку?

– Давайте остановимся на многоточии. Хочется перспективы.

– Будь по-вашему.

«...и ты поступай так же» (Лк. 10:37)

Из поучений оптинских старцев

Прп. Амвросий:

Каждому из нас более должно заботиться о себе самом, о своей душе и о собственной пользе душевной, потому что, по слову Апостола, каждый из нас сам о себе воздаст слово Богу. У нас же путаница оттого и происходит, что мы все более склонны к вразумлению других и стараемся не только убедить, но и разубедить и доказать многоразличными аргументами. Дело же спасения совершается очень просто, как говорит Апостол: *Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа* (Евр.12:14). *Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов* (Гал. 6:2). Все оставим на суд Божий и предадим забвению, заботясь только о своем спасении; так поступая, можем обрести и мир душевный, оставляя свои претензии на других. Если они не так действуют, то они за свои действия будут отвечать. Мы же позаботимся о себе – и довлеет нам.

Прп. Макарий:

Спасение наше в ближнем нашем состоит, и никто не ищет своего, но... пользы другого (1 Кор. 10:24) к созиданию.

Вы имеете желание приблизить себя к Богу и получить спасение. В этом состоит весь долг каждого христианина; но сие совершается через исполнение заповедей Божиих, которые состоят все в любви к Богу и ближнему и простираются до любления врагов. Читайте Евангелие, там найдете путь, истину и живот.

Прп. Иосиф:

Будь внимательней к своему спасению, пока есть день, то есть надо себя всячески понуждать на всякое доброе дело, повторяю тебе: понуждать надо себя, ибо нуждники получают Небесное Царство.

Прп. Лев:

О наших скорбях касательно трудности спасения в миру, и при мирских занятиях, и в семейной жизни отвечаем словами Спасителя нашего: *...человекам это невозможно, Богу же все возможно* (Мф. 19:26), только бы произволение ко исправлению не ослабевало и нелицемерное покаяние смягчало бы суд Божий.

Прошу тебя внять своему спасению и не верить своим глазам... кои видят издалека чужие пороки, но не свои.

Душу спасти – не лапоть сплести.

Церковь Харитона Исповедника в Огородниках

Пройдут годы, и детские впечатления Александра Сергеевича найдут отражение в его знаменитом романе «Евгений Онегин». Напротив Харитоньевской церкви стоял деревянный домик, который в народе называли Ларинским или домом Татьяны. Старинная московская легенда гласила, будто именно в нем, «у Харитонья в переулке», Пушкин поселил в Москве свою Татьяну с матерью. Это был «дряхлый деревянный одноэтажный домишко», как описывали его доверенные советские путеводители, со ставнями на окнах:

*И ранний звон
колоколов,
Предтеча утренних
трудов,
Ее с постели
подымает,
Садится Таня у окна.
Редее сумрак, но она
Своих полей не
различает:
Пред нею незнакомый
двор,
Конюшня, кухня
и забор.*

Церковь Харитона Исповедника в Огородниках была тесно связана не только с именем Пушкина, но и со всей пушкинской эпохой, с золотым веком русской литературы. В феврале 1782 года в ней крестили графа Федора Ивановича Толстого, прозванного Американцем. Ф.И. Толстой прожил яркую, насыщенную событиями (порой скандальными), интересную жизнь. В 1818 году, находясь в Варшаве в качестве чиновника для иностранной переписки, князь Петр Андреевич Вяземский написал стихи, посвященные «милому» Ф.И. Толстому:

*Американец и цыган,
На свете нравственном загадка,
Которого, как лихорадка,
Мятежных склонностей дурман
Или страстей кипящих схватка
Всегда из края мечет в край,
Из рая в ад, из ада в рай!
Которого душа есть пламень,
А ум – холодный эгоист;
Под бурей рока – твердый камень!
В волненьи страсти – легкий лист!*

В ранние детские годы Александра Сергеевича Пушкина его родители обосновались в Москве. В начале 1801 года отец поэта Сергей Львович принял решение поселиться «на Чистом пруде» – между воротами Покровскими и Мясницкими, где Менишкова башня (знаменитая колокольня храма Михаила Архангела). Семья будущего поэта часто меняет квартиры – Пушкины живут в домах князя Юсупова, графа Санти, но остаются в том же участке старой Москвы, расположенном в приходе церкви преподобного Харитона Исповедника в Огородной слободе.

Дружбу с графом Федором Толстым водил поэт и патриот, легендарный гусар-партизан Денис Васильевич Давыдов, с ним приятельствовали такие звезды русской литературы, как К.Н. Батюшков, А.С. Грибоедов, В.А. Жуковский, В.Л. и А.С. Пушкины, С.А. Соболевский, А.И. Тургенев, П.Я. Чаадаев, и прочие знаменитости.

В июне 1826 года в Харитоньевской церкви в Огородниках поэт и переводчик Евгений Баратынский венчался с Анастасией Энгельгардт, старшей дочерью генерал-майора Льва Николаевича Энгельгардта, с которым его познакомил Денис Давыдов.

Местность, где основали московскую церковь преподобного Харитона, была хорошо известна в средневековой русской столице. Здесь протекал ручей Черногрязка, давший старомосковское название одной из Садовых улиц, и не менее знаменитый ручей Рачка, образовавший Чистые пруды. Тогда, в XVII столе-

тии, между Мясницкой и Покровской (от нынешнего Бульварного кольца и до Земляного вала) раскинулась огромная дворцовая Огородная слобода, где селились царские огородники. На отведенных дворцовых землях они выращивали овощи и фрукты и поставляли их в Кремль к государеву столу. Для царских огородников и была поставлена местная приходская церковь, освященная во имя Владимирской иконы Божией Матери, и называлась она «что в Огородной слободе», или «в Огородниках».

Старинные палаты дьяка Ратманова, что на углу Большого Харитоньевского и Большого Козловского переулков, – ровесники церкви преподобного Харитона Исповедника в Огородной слободе. Палаты находятся недалеко от места, где был Харитоньевский храм

В современной Огородной слободе еще можно найти несколько симпатичных старинных домов, но в целом район убит постоянными стройками и реконструкциями

Впервые столичная слободская деревянная церковь в Огородниках упоминается в 1618 году. И только в 1652 году по указу царя Алексея Михайловича ее стали возводить каменной, а в новой колокольне, выстроенной, как утверждают историки, в прообразе стиля московского барокко («иже под колоколы»), был освящен новоустроенный придел во имя святого преподобного Харитона Исповедника. Царь и начал перестройку этой церкви в дворцовой слободе ради того, чтобы возвести в Москве традиционный для русских государей храм ко дню своего венчания на престол.

В 1830-х годах прихожанин и староста этой церкви полковник Василий

Сухово-Кобылин, отец известного русского писателя, живший в соседнем, Большом Козловском, переулке, благоустроил храм на свои сбережения. Харитоньевский придел был перенесен из колокольни в новую трапезную, сооруженную выдающимся московским архитектором Евграфом Тюриным. А в конце XIX века в колокольне взамен Харитоньевского придела освятили новый престол – святителя Андрея, архиепископа Критского.

В те же годы прошла первая научная реставрация храма, в которой участвовал знаменитый московский историк Иван Забелин. Интересно и то, что после этого в Харитоньевской церкви, беспреседентно для московских православных

храмов, был устроен небольшой исторический музей, в котором прихожане могли увидеть старинные рукописи, книги, облачения священников, фотографии фресок и другие интересные экспонаты.

Церковь Харитона Исповедника в Огородниках была разрушена в тридцатые годы двадцатого века. На ее месте выстроили типовое школьное здание, в которое впоследствии вселилось медицинское училище. Замечательный писатель и сценарист Юрий Нагибин об этой замене писал: «Восьми-девятилетним мальчиком я сопровождал свою тетю, когда она ходила к частной портнихе, жившей во дворе церкви Харитония... Красная, раскидистая, словно с картины Юона, церковь так же прочно впечаталась в мою детскую душу, как и удививший меня женский манекен, стоявший в комнате у хромой портнихи. Почему-то вспоминается солнечный апрельский день, звездные купола на фоне синего неба, стаи галок вокруг них, весенний воздух, пахнувший свежевыстиранным бельем. Вместо церкви сейчас тут стоит унылое школьное здание, одним своим видом способное отратить от учения».

О точном местоположении Харитоньевского храма разные источники дают несколько противоречивую информацию. В большинстве путеводителей говорится о том, что церковь Харитона Исповедника в Огородниках находилась на месте современного дома № 12 в Большом Харитоньевском переулке, названном в честь разрушенного храма. Ряд источников в сети интернет в качестве ориентира его бывшего местоположения указывает другие дома. Я не спеша обошел несколько кварталов в районе Большого и Малого Харитоньевских переулков и нигде не обнаружил ни мемориальной доски, ни другого памятного знака, способных напомнить о столь замечательном храме, некогда украшавшем собой эту географическую точку. Если так пойдет и дальше, то в скором времени о том, где находилась церковь Харитона Исповедника, будут помнить только персонажи бессмертной комедии А.С. Грибоедова, фигуры которых украшают постамент его памятника на Чистых прудах. Но их, по понятным причинам, уже ни о чем расспросить невозможно...

К сему: ваш Архивариус

Этот номер журнала прихожане православного храма святителя Николая в итальянском городе Мерано получают уже в 2017 – знаменательном для них – году. Исполнится 120 лет, как в этой церкви отслужили первую Божественную литургию, положив начало долгим

и плодотворным духовным связям северной итальянской провинции Больцано с ее католическим укладом церковной жизни и православной России. Мы поздравляем прихожан и духовенство храма, желаем им Божией помощи во всех их делах, мира и благоденствия.

Мерано: русская Италия

Со времен императорской России в Италии традиционно пять православных храмов. Самый южный, с мощами святителя Николая, – в Бари; самый северный – в Мерано, чьим покровителем считается Мирликийский чудотворец. После Первой мировой войны город вошел в состав Италии, уйдя из австрийской юрисдикции. Об этом чудном, уютном городе рассказывает кандидат исторических наук Михаил Талалай.

– По роду службы я стал объезжать православные приходы и близко познакомился с тогдашним настоятелем меранской церкви, замечательным священником отцом Иоанном Янкиным. Шестнадцатилетним подростком немцы вывезли его из родной Белоруссии во Францию, которая тоже была оккупирована ими. Когда кончилась война, он побоялся возвращаться. Это был настоящий советский паренек-комсомолец. Из Янкина стал Жанкеном. Скитался по стране, голодал. Ему сказали, что в Париже есть русская церковь, где всех принимают. Это было подворье Сергиевского храма. Его действительно приютили. Он выучился там на священника, после чего его командировали в Ниццу.

– Кто командировал?

– Константинопольский патриархат, в него входила Русская епархия. Отец Иоанн, единственный православный свя-

щенник в Италии, сразу возглавил Итальянское благочиние, то есть отвечал за все русские церкви в стране. У него тогда было три храма. Мы познакомились, он пригласил меня в Мерано. Там в довольно хорошем состоянии оказались церковные архивы.

– А чем, собственно, вас так заинтересовала меранская церковь?

– Весьма прочными связями с Россией. Мерано – известный в России курортный город, и церковь в нем тоже была курортная. Туда даже приезжали монахи из Александро-Невской лавры. Мне случилось написать к трехсотлетию лавры статью о наших иноках, которые окормляли общину в Мерано. После революции там появились белоэмигранты. Община была небольшой, максимум два десятка человек, но состояла из интересных людей. Например, дочь Федора Михайловича Достоевского. Она

считала себя прихожанкой этой церкви. Там и похоронена в 1926 году. Видимо, из-за того, что в Мерано не было постоянного священника, кое у кого возник соблазн относительно якобы бесхозной церковной недвижимости. С юридической точки зрения все было законно: это – русская собственность. Не было хозяйского глаза – это вопрос другой, но он не правовой, а скорее хозяйственный и этический. Но там, где большие деньги, мораль нередко молчит. Был создан так называемый Русский комитет для защиты собственности, однако и он не оказался успешен.

– Как напоминает нашу реальность!

– Люди, они везде люди... И однажды один местный «умелец» пришел к прихожанам и сказал примерно так: «Дорогие эмигранты, зачем вам эта собственность? Это не рентабельно. Я даю вам домик, даю деньги, вы туда все переезжаете, а это все передаете мне». И они всё ему отписали. Владельцем стал известный тирольский спекулянт. Эмигранты получили, как водится, гроши. Новый владелец устроил в домах гостиницу. В русской православной церкви стали проводить католические

венчания. А потом он объявил себя банкротом, чтобы, заработав, сбежать. Но по здешним законам местный муниципалитет в таких случаях имеет преимущественное право выкупа, причем вне торгов и за первоначальную цену. Так вся недвижимость досталась городу. Муниципалитет сделал из домов богадельни – приют для стариков и апартаменты. Уважительно отнеслись и к церкви – дали возможность отправлять там службы. Позволили поселиться там священнику.

– **Теперь там служит батюшка из Русской Православной Церкви. Изменилась юрисдикция?**

– Константинопольский патриархат и Русская Зарубежная Церковь никак не могли договориться, к кому должна относиться церковь в Мerano. Но молодые эмигранты, а также работающие здесь россияне решили, как мне кажется, исторически правильно. Новый староста общины обратился в Московский Патриархат с просьбой принять церковь под свой омофор. Так здесь появился священник Алексей Никоноров. Очень культурный батюшка. Стал настоятелем Никольской церкви. Я с ним дружу. Советую пообщаться с ним. С постоянным священником стала налаживать и церковная жизнь.

– **Что за прихожане в Мerano?**

– Преимущественно гастарбайтеры, в основном женщины с Украины. Бывает много спортсменов: рядом Альпы, горный туризм. Есть женщины, которые вышли замуж за местных, так называемая брачная эмиграция. Край очень богатый, самый богатый в Италии. Выросла община, и снова стала оживать идея о тех двух домах, о создании на их базе Русского центра имени Бородиной.

– **Кто она такая?**

– Это была очень богатая женщина, которая там лечилась. Ей так понравилось, что она завещала все свое немалое состояние тому Русскому комитету. В XIX веке этот альпийский курорт был хорошо известен как очень эффективная здравница. В Мerano впервые применили лечение легочных больных кумысом. К сожалению, Надежде Ивановне лечение не помогло, она умерла довольно рано. В память о единственной своей дочери родители и устроили Русский дом имени Бородиной. Как теперь говорят, эконом-класса. За небольшую плату сюда приезжали православные средние чиновники, преподаватели. Перед отъездом группа обязательно фотографировалась. В центре всегда священник. В то время никого не раздражало, что только православные. Вы спросите: а как же толерантность? Мы

видим сегодня ее плоды. Раз уж коснулись этой темы... Приезжало лечиться много евреев из России. Им помогали еврейские общины, купцы из других стран. Просто это было за рамками Русского дома, но никого не волновало и права человека не считались ущемленными. Есть чему поучиться у нашего прошлого.

– **Вы начали с того, что по роду службы... Что это за род и что за служба?**

– Я уже много лет представитель Института всеобщей истории Российской академии наук. У меня российский паспорт, я гражданин России. Занимаюсь историческими исследованиями Петербурга, историей Церкви, в частности историей православия в Италии...

– **А книги? «Русская Сицилия», «Русская церковная жизнь и храмоздательство в Италии», «Русские участники итальянской войны 1943–1945: партизаны, казаки, легионеры», «Да упокоит тебя чужая земля», особенно близкий моему сердцу «Русский Афон» – путеводитель в исторических очерках... Вынужден, дорогой Михаил, остановиться: в периодических изданиях, как всегда, туго с местом. Простите уж.**

– Все и так более чем щедро. Благодарю.

– **Помощи Божией!**

Везде – Божие место

Беседа с настоятелем православного храма святителя Николая в городе Мерано изумном Алексием (Никоноровым).

– Как вообще случилось, что вы оказались в Мерано? Где служили перед этим?

– Родом я с Кавказа, родился и вырос в одном из красивейших южных городов – Баку. И воцерковление мое произошло там же. После Ставропольской духовной семинарии служил на той земле, что взрастила меня. Шесть лет был помощником Бакинского епископа, его секретарем и настоятелем городского собора. В 2005 году по благословению патриарха был направлен в магистратуру Папского Григорианского университета в Рим. Тогда и помыслить не мог, что моя командировка (если ее так можно назвать) окажется столь длительной. Окончил магистратуру, затем докторантуру, и пришлось вживаться, вписываться в местный контекст, чтобы послужить Миссии Православной Церкви на этой древней земле.

Еще в 2006 году митрополит Кирилл, ныне Патриарх Московский и всея Руси, благословил мне духовно окормлять православную общину в Южном Тироле, в Мерано. Общины, конечно, как таковой тогда еще не было, человек 6–12 собиралось на молитву. Но был потрясающий по своей красоте храм в честь святителя и чудотворца Николая, построенный нашими соотечественниками более ста лет назад.

– Каким вы застали приход в Мерано? Было это похоже на ваш прежний опыт? Или появилось что-то новое? Что вам запомнилось прежде всего?

– Старинные стены, прекрасный иконостас, серебряная утварь, роскошное паникадило, хоругви – все здесь говорило о любви и большой заботе наших предков, постаравшихся на чужбине создать кусочек Родины, то место,

Авторы снимков к публикации о Мерано: Генриетта Натали Воль (крещение), Сергей Веретенников (съемка в храме), А. Боков (на Военном кладбище), а также фото зданий Русского центра им. Бородиной (архив Центра)

где можно, как говорят, отдохнуть душой, ощутить под ногами родную землю, прикоснуться к Горнему. Как писал Некрасов:

*...Убогий храм земли твоей:
Тяжеле стонов не слышали
Ни римский Петр, ни Колизей!
Сюда народ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносил –
И облегченный уходил!*

Но храм – это не только стены. Работать надо было над созиданием общины. Трудиться пришлось в достаточно сложных условиях: мэрия ограничивала посещение храма, отсутствовало жилье, и это далеко не все. Приходилось ездить из Рима на выходные, это полторы тысячи километров в оба конца. Тоже, скажу я вам, испытание не для расслабленных. В поездке приходилось проводить почти сутки.

Нужны были деньги и на поездки, и для прихода – пришлось искать в Риме работу, потому что на студенческую стипендию далеко не уедешь, тем более на итальянских поездах. И так многие годы пришлось совмещать учебу, занятия наукой, светскую работу и служение в Мерано. Но самое важное: усилия эти и труды не остались напрасны. Люди, видя, что богослужебная жизнь постепенно налаживается, становится систематической, чувствуя, что каждому здесь рады, что любому по возможности будет оказана поддержка, стали подтягиваться к храму. Кто-то нашел здесь то, что оставил на родине, а для кого-то в Мерано впервые открылись двери храма. Но совершенно точно, что для каждого из нас меранский приход стал домом и семьей. Община собирается, прирастает очень медленно, в год по несколько человек. Сегодня, оглядываясь, я вижу плоды общих трудов и усилий.

Если десять лет назад число молящихся было равно числу апостолов, я уже радовался и говорил себе: вот, собрались как на Тайную Вечерю... А теперь по воскресеньям нас под сорок! И это очень радостно, когда понимаешь, что то, чем жертвует каждый из нас ради церкви, ради общины, – не напрасно, а приносит плоды.

– Что за люди в вашем приходе?

– Я привык к столичному служению в Баку, а затем некоторое время в Риме. Приехав в Мерано и выйдя на проповедь, взглянул на молящихся и задумался, о чем и как говорить? Так часто бывает с нами, когда мы составляем свое мнение о других, глядя на них лишь поверхностным взглядом, не пытаясь рассмотреть сердце, разглядеть душу... Постепенно я начал видеть, что Господь послал людей, которые, подобно евангельским Женам Мироносицам, готовы бескорыстно и жертвенно трудиться для благоуукрашения храма, для того, чтобы поддерживать и помогать

ближним, чтобы создавать атмосферу домашнего уюта на общих трапезах. Эту помощь невозможно недооценить. Все в нашем приходе делается и решается совместно, каждый вносит сильную лепту в любое общее дело. Так мы и живем, подлинным общим делом, или, по-латыни, литургией.

Когда я сталкиваюсь с какими-то трудностями в своей жизни или служении, то всегда эти трудности преодолеваю мыслью, что самый большой дар, который дал всем нам Господь, — это иметь такую общину, как у нас в Мера-но! Конечно, как и в любой семье, случаются и ссоры, и недопонимание, но в итоге все по милости Божией удается превозмочь, и это ощутимо.

— Вы знаете православных людей, живущих в России. Знаете и зарубежных. Есть, на ваш взгляд, разница в том, как они ведут себя в том же храме, во время богослужения? В чем это выражается?

— Думаю, что большой разницы между людьми нет в принципе. Да, мы, конечно, разные, принадлежим к разным народам со свойственным каждому из них менталитетом, на наше формирование влияют местные традиции, обычаи, взгляды. И в церкви мы тоже не должны становиться одинаковыми, ведь цель жизни по Евангелию не в том, чтобы девушки превратились в бабулек, парни — в овощи, а образованные и зрелые люди — в зомби. Цель духовной жизни в том, чтобы мы, оставаясь собой, вектор своей жизни устремляли к Небу, чтобы своими особенностями и дарованиями могли послужить другим.

Наша община многонациональна, она состоит из русских, украинцев, молдаван, сербов, македонцев, армян и грузин. На службах все присматриваются друг к другу. Я умышленно никогда не делаю людям замечаний, касающихся внешнего вида, одежды или манеры поведения, но при этом вижу, что люди постепенно вживаются в атмосферу храма, сами находят свое место и служение в церкви, вырабатывают модель поведения и внешнего выражения своего благочестия, если можно так выразиться.

— Какие, с вашей точки зрения, перспективы у православия в вашем приходе, в городе, в целом в

стране? Будет оно расти или, напротив, убывать?

— Очевидно, что нельзя одинаковыми критериями оценивать перспективы православной миссии в странах с исторически православной традицией и с католической, протестантской или мусульманской. В европейском контексте многое зависит от миграционных процессов, связанных с политической ситуацией, а также с экономическим и культурным взаимодействием между странами. Так, например, из-за широкой волны миграции в Германию там сегодня самые большие и сильные церковные структуры, а в Португалии из-за экономического кризиса произошел отток наших соотечественников и многие приходы были просто закрыты... В Италии ситуация в этом плане более спокойная, без резких миграционных приливов и отливов, и мне думается, что православная церковь здесь имеет хорошее будущее. Большим подспорьем для нас здесь, конечно, служит общий христианский фундамент, история, традиции этой земли. Со стороны итальянцев и католиков я всегда ощущал поддержку и понимание. Уверен: так будет и дальше. Сегодня наша епархия насчитывает около 50 приходов, имеет своего епископа, который, несмотря на свои обязанности в Москве, тем не менее постоянно здесь и с нами, на приходах, на службах, на мероприятиях. Священнослужители имеют прямую связь с архиереем, что облегчает координацию церковной жизни и делает ее в некоторых отношениях качественно лучшей, нежели в иных российских епархиях. Ну а будущее... Будущее в руках Божиих, и будет оно для нас таким, какого мы окажемся достойны.

— Какие лично вы как священник испытываете трудности при общении с паствой?

— Здесь я бы говорил не о трудностях, а о европейской специфике. Состоит она в том, что прихожане наши — все люди работающие, здесь фактически нет пенсионеров. А это значит, что у них есть один выходной день в неделю, когда они могут посещать храм. Собрать людей на службу в будний день практически невозможно.

Еще одна особенность: люди до нашего храма добираются на транс-

порте, который здесь ходит по четкому расписанию. Поэтому я знаю, что я должен всегда внимательно следить за временем начала исповеди и ее окончания, должен вовремя начать литургию, не забыть перед причастием поисповедовать тех, кто добирался издалека или обременен семейными обстоятельствами, но в то же время не мучать людей расспросами, чтобы не заставлять остальных томиться в ожидании самого важного момента богослужения — встречи со Христом в таинстве Причащения.

А еще мне приятно, что я всех наших прихожан знаю по именам, подходя к причастию, они могут не называть себя, а во время домашней молитвы или на проскомидии я поминаю практически всех по памяти.

— Чувствуете ли вы себя здесь дома или это все же командировка?

— С самого начала служения учился и продолжаю учиться у людей, которые сыграли роль в моем становлении, что к любому месту своего послушания нужно относиться как к дому. Будто ты здесь будешь всегда, здесь и умрешь. А потому трудиться надо не как временщик, а как человек, думающий о том, что то, что он сегодня сеет, завтра будет пожинать. Это очень важно. Мои учителя — архиепископы Бакинский Александр и Якутский Роман. Глядя на этих людей, я вижу, как ни сил, ни здоровья, ни жизни самой они не жалеют на поприще, на которое поставил их Господь. И в любой сложной ситуации, в любой скорби мне стоит только вспомнить о тех, кто, забывая о себе, горит, подобно свече, освещая и согревая других, и тогда я понимаю, что все мои проблемы и неурядицы ничего не стоят и не заслуживают никаких переживаний.

И в то же время с первых лет моего священнического служения в моей памяти слова святителя Василия Великого: «Ссылки нет для меня, потому что я не связан местом. И то место, на котором живу теперь, — не мое, и всякое, куда меня ни кинут, будет мое. Лучше сказать: везде Божие место!».

— Помощи Божией вам, дорогой отец Алексий!

— Благодарю.

Память – это форма бытия, или Одинокий трубач на военном кладбище

Оркестр, исполняющий государственный гимн страны, троекратный залп над могилой героя – давняя традиция, существующая практически повсеместно, к сожалению, часто повторяющаяся и, что скрывать, мало у кого вызывающая адекватные эмоции. Необходимая часть траурного протокола, она ни в коем случае не заслуживает порицания, но и едва ли вызовет слезу, разве что у близких. Но представьте...

Братская могила русских воинов, погибших более века назад, в Первую мировую войну, венков, возложенный к месту упокоения соотечественниками-современниками и солист-трубач возле православной часовни Сергия Радонежского, исполняющий гимн Дмитрия Бортнянского «Коль славен наш Господь в Сионе». Согласитесь, такое не может не трогать.

Событие, о котором сообщила Ирина Метелицкая, имело место в Больцано (это Южный Тироль, север Италии). Почетный караул из альпийских стрелков, военный

трубач – лишь малая часть работы, которую ведет Русский центр имени Н.И. Бородиной. Центр принял эстафету преемства от Благотворительного общества, основанного Бородиной в 1875 году. Его задачей было помогать малообеспеченным русским людям, нуждавшимся в лечении легких. Климат приальпийского Мерано очень для этого подходил, и общество обосновалось там. Нынешний Русский центр не только поддерживает традицию, но и развивает ее. Центр формируют преимущественно этнические русские – эмигранты, их потомки, временные работники, командированные специалисты. В его задачу входит развивать и укреплять культурные, общественные и экономические связи с Россией. Организует эту важную работу, отдаваясь ей самозабвенно и энергично, директор Центра и председатель русского общества в Мерано Андрей Прусс. Дается все это не без трудностей, но в целом успешно. Так что трубач не так уж и одинок.

СОДЕРЖАНИЕ

25 ЛЕТ НОВОЙ ЖИЗНИ ХРАМА

Священник Сергей Ванюков – Павел Демидов
Сегодня только Церковь спасает от одиночества . . . 4

Архимандрит Георгий (Капсанис)
Церковь как место обожения 6

Лариса Беляева
Анкета «Лампады»
Скажите, пожалуйста... 8

Михаил Мацнев – Павел Демидов
Быть в Церкви и не работать для нее –
такое невозможно 10

Протоиерей Георгий Полозов
Восставший из руин
(фрагменты будущей книги) 12

СТРАНА СЛОВ

И клирик, и лирик
Так «Лампада» уже однажды назвала
отца Владимира Русина.
И, похоже, не ошиблась 17

ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ

Игумен Варлаам (Борин)
Лоза виноградная 20

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

Дарья Еремеева
В Курбе 24

МИР ВОКРУГ НАС

Вадим Рутковский
Креститель, защитник и правитель 26

Александр Кабаков –
Павел Демидов
Высокий болевой порог –
это плохо для всех 28

Архивариус
Церковь Харитона Исповедника
в Огородниках 30

ПРАВОСЛАВИЕ БЕЗ ГРАНИЦ

Михаил Талалай
Мерано: русская Италия 32

Игумен Алексей (Никоноров)
Везде – Божие место 34

Память – это форма бытия,
или Одинокый трубач на Военном кладбище 36

Содержание 37

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине lampada-press.ru

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор
Павел Демидов

Елена Трубецкая (подписка,
распространение, реклама)

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Нина Орлова

Обложка: Знаменский храм сегодня.
Фото Евгения Борисова

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
+7 (963) 962-55-75

www.znamenie-hovrino.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г.
Выход в свет 25.11.2016
Цена свободная

Этот номер вышел заботами
раба Божия Александра.
Храни его Господь

Приход храма иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине, г. Москва

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 30101810400000000225
КПП 774301001

Отпечатано
в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»
143200, Московская обл.,
г. Можайск, ул. Мира, 93

Контактный телефон:
+7 (495) 745-94-28
+7 (4938) 2-06-85

Тираж 1000 экз. Заказ № 0641
© Лампада, 2016

ЛАМПАДА

в вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

Узнать о свежем номере и познакомиться с архивом журнала можно
на нашем сайте **lampada-press.ru**

Одобрено Синодальным информационным отделом Московского Патриархата
(Свидетельство № 228 от 10 декабря 2012 г.)

Напоминаем тем, кто предпочитает гарантированно получать «Лампаду» домой, а не покупать ее в церковной лавке: подписаться на журнал можно с любого месяца, но только через редакцию.

Схема прежняя: деньги на телефон
8 (963) 962-5575 и НЕПРЕМЕННО СМС
с фамилией и подробным адресом подписчика.

Подписка проводится на добровольные пожертвования, то есть цена не фиксированная.

ПРИЧИНА: журнал приносит убытки (около 100 рублей на каждом экземпляре). Поднимать цену не хотим. Заплатите, сколько сможете. Благодарим.

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском парке

Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане
св. мц. Татианы при МГУ

Воскресения Словущего на Успенском Вражке
Воскресения Христова в Сокольниках

Всех Святых Алексеевского женского монастыря; на подворье Патриарха Московского и всея Руси при храме прп. Алексия, человека Божия

Иверской иконы Божией Матери на Всполье
иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими воротами

Новоспаский ставропигиальный мужской монастырь

прп. Алексия, человека Божия, б. Ново-Алексеевского монастыря

Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском
Троицы Живоначальной в Хорошеве

Троицы Живоначальной в Хохлах

Троицы Живоначальной в Орехове-Борисове

Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове

Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище

Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово

Сретенский ставропигиальный мужской монастырь

Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском

Успения Пресвятой Богородицы на Успенском

Вражке

царевича Димитрия при Голицынской больнице

Троицы Живоначальной в Останкине

свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной

апостола Иоанна Богослова в Бронной слободе
свт. Климента, папы Римского

Успения Божией Матери в Казачьей слободе

Книжный магазин «Книжница» Дома русского зарубежья

Новомучеников и исповедников Российских в Строгине

Всех святых во Всехсвятском

Всемиловитого Спаса в Митине. Патриаршее подворье

Рождества Христова в селе Рождествено (Митино)

Преображения Господня в Тушине

Иконы Божией Матери «Знамение» в Аксиньине

Прп. Сергия Радонежского в Бусинове

Троицы Живоначальной при бывшей Черкасской богадельне, патриаршее подворье

прп. Алексия, человека Божия в Крылатском

Богоявленский кафедральный собор в Елохове

Казанской иконы Божией Матери в Коломенском

Свято-Данилов ставропигиальный мужской монастырь

Донской ставропигиальный мужской монастырь

Воздвижения Креста Господня в Алтуфьеве

св. ап. Иоанна Богослова «под Вязом»

Воскресения Христова в Кадашах

свт. Иннокентия, митр.

Московского в Бескудникове

прп. Сергия Радонежского

в Крапивниках

ISSN 2225-0271

9 772225 027100